Ч 32 —
72

232 72

Д. Г. БУЛГАКОВСКІЙ.

В.Р. № 57

РУССКІЙ СОЛДАТЪ

НА ВОЙНѢ

ВЪ ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ

и теперь въ 1914, 1915 и 1916 г.г.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Т-ва газ. Свѣтъ“, Невскій, 136.
1916.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
576737

Петроградъ, дозволено военной цензурою 24 мая 1916 г.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ

НА ВОЙНѢ

ВЪ ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ и ТЕПЕРЬ,

въ 1914, 1915 и 1916 г.г.

НИКОМУ, кажется, не мила такъ родина, какъ русскому человѣку. Горячо онъ любитъ все свое родное. Краше нѣтъ ничего для него, какъ родимыя поля, луга, просторныя величавыя степи съ ихъ вьюгами и морозами. Милѣе нѣтъ для него, какъ стародавняя русская пѣсня—то заунывная, то веселая, праздничный хороводъ съ его плясками и дружескими шутками. Оттого-то онъ крѣпко бережетъ и ненарушимо хранитъ все, что унаслѣдовалъ отъ сѣдой старины. И эта пламенная любовь и преданность къ своей родинѣ проявляются у него особенно съ неудержимой силой въ то время, когда Отечеству угрожаетъ опасность отъ враговъ. Тогда каждый готовъ бываетъ на всякую жертву, лишь бы ничего не утратить изъ своего дорогого достоянія.

«Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову».

И слава Богу, русскій народъ всегда сознавалъ, что защита Вѣры, Царя и Отечества—дѣло правое, святое, а смерть за это дѣло — священный долгъ его. И потому, въ бранное время богатырская сила его развертывалась во всю ширь. Первымъ защитникомъ достоянія родины всегда являлся русскій солдатъ. Онъ, когда отправлялся на войну, не страшился никакой опасности, и всегда готовъ былъ положить животъ свой на полѣ брани.

Безъ ропота, весело и съ охотой, словно на пиръ, идетъ онъ на войну. Все передъ походомъ оживляется. Даже маленькій, худенькій солдатикъ, слабый по фронту, вдругъ будто вырастаетъ и смотритъ теперь такимъ бравымъ молодцомъ, что не узнать его. У всѣхъ является отвага; всѣ заняты одной мыслью, однимъ желаніемъ — помѣриться скорѣй съ силами непріятеля, показать ему богатырскую мощь русскую.

Эта увѣренность въ самомъ себѣ, въ своей непобѣдимой силѣ бываетъ такъ велика у нашего солдата, что онъ часто бросается на врага, несмотря ни на какія боевыя средства его. Онъ знать не хочетъ никакой преграды, не боится никакой грозной силы и, благодаря своей неустрашимости, почти всегда выходитъ побѣдителемъ даже изъ неравнаго боя. Не даромъ одинъ изъ русскихъ военныхъ героевъ сказалъ, что «успѣхъ въ бою не зависитъ и никогда не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа, а отъ того чувства, которое есть въ каждомъ солдатѣ». Чувство это—вѣра въ самого себя, въ свою непобѣдимую силу, и эта вѣра идетъ у него рука объ руку съ надеждой его, что правому дѣлу Богъ поможетъ.

Подавай сюда рать несмѣтную,
Кораблей поставь, что дремучій лѣсъ:
Не числа враговъ испугаемся,
Не кровавый бой страшенъ русскому:
Богъ Помощникъ намъ и расправимся,
Вознесемъ Царя славой громкою.

Эта надежда даетъ ему на войнѣ мужество, храбрость, отвагу, самоотверженность, терпѣніе и выносливость, а что всего важнѣе—самоувѣренность въ своихъ силахъ. Трудно указать, гдѣ бы русскій солдатъ дрогнулъ предъ непріятель-

ской силой и отступилъ назадъ: онъ и въ атакѣ, и въ оборонѣ покрывалъ свое оружіе славой.

Что говорить про давно минувшія войны, стоитъ только вспомнить Полтавскую битву, Бородинское сраженіе, оборону Севастополя, послѣднюю нашу войну съ Турціей и наконецъ Хивинскіе походы, чтобы видѣть русскаго солдата во всей его красѣ.

Хоть будь впятеро сильнѣе,
Мы не станемъ отступать;
Намъ гораздо веселѣе,
Гдѣ труднѣе побѣждать.

И вѣрно, русскій солдатъ смѣло идетъ на врага, и скорѣе готовъ бываетъ умереть, чѣмъ отступить. Бывали примѣры, что иной получитъ нѣсколько ранъ и остается въ бою, пока не свалится съ ногъ. Случалось, что у другого оторветъ гранатой руку, и онъ какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжаетъ занимать свое мѣсто. Спасти цѣлый обозъ отъ нападеній непріятеля, или прикрыть отступленіе раненыхъ одному молодцу противъ пяти человѣкъ — дѣло бывалое. Взобраться на страшную высоту бруствера подъ градомъ пуль или гранатъ—дѣло повидимому невозможное, но наши солдаты, бывало, лѣзутъ, подсаживаютъ другъ друга, карабкаются, обрываются и снова лѣзутъ, пока не преодолѣютъ препятствія. Бьетъ русскій солдатъ чѣмъ попало: сломится штыкъ, бьетъ прикладомъ, откажетъ прикладъ, бьетъ кулаками. А казачьи арканы и пики? Другому казаку наскучитъ убивать непріятеля, вотъ онъ для разнообразія начинаетъ брать живьемъ. Пришпоритъ своего коня, помчится стрѣлой за добычей, ловко накинетъ арканъ, и дѣло готово. «Выудилъ»! крикнетъ казакъ. «Ловко»! слышится одобрительный отвѣтъ товарищей.

* * *

Вмѣстѣ съ храбростью нашъ солдатъ отличается на войнѣ **отвагой-удалью**. Подскочить къ бомбѣ, отъ которой сыплются искры, и выбросить ее за траншею, за брустверъ, или засыпать землею—все это для русскаго солдата ничего не значитъ. Онъ на все бываетъ готовъ, хоть бы стоило ему жизни. Пуститься черезъ рѣку вплавь, несмотря на быстроту ея, броситься на штурмъ или идти на развѣдки, влѣзть въ

амбразурѣ и исправить поврежденія подъ убійственнымъ огнемъ, все это хотя далеко дѣло не легкое, но русскій солдатъ не только ни отъ чего не отказывается, но самъ охотно за все берется.

Каждый наперерывъ вызывался быть охотникомъ и доказывалъ, что онъ больше имѣетъ правъ на вылазку, чѣмъ всякій другой изъ его товарищей, хотя охотники нерѣдко платились головой за свою отвагу.

* * *

Въ ряду великихъ качествъ, какими русскій солдатъ отличается на войнѣ, главное мѣсто занимаетъ его **преданность дѣлу**. Солдатъ проситъ оставить его на своемъ мѣстѣ, когда его раненаго хотятъ отправить въ лазаретъ, и бьется съ непріятелемъ, пока не свалится съ ногъ. Онъ спокойно и безропотно умирая отъ ранъ, сожалѣетъ, что больше не суждено ему послужить Царю-Батюшкѣ и не перестаетъ думать и говорить о томъ, какъ бы товарищамъ его Богъ помогъ одолѣть непріятеля. Бывало, падая въ бою, солдатъ отказывается отъ услугъ товарища, готоваго отнести его на перевязочный пунктъ, съ единственной цѣлью видѣть, чѣмъ кончится бой. Русскій солдатъ скорѣе умретъ, нежели измѣнитъ долгу службы и присягѣ. Находясь въ плѣну, онъ не откроетъ противной сторонѣ ни русскихъ позицій, ни численности войска, ни укрѣпленія, хотя бы ему угрожала смерть. За примѣрами ходить недалеко. При осадѣ Текинской крѣпости Геокъ-Тепе, 30 декабря 1880 года текинцы взяли въ плѣнъ бомбардира наводчика 21 артиллерійской бригады Агафона Никитина. Они требовали научить ихъ стрѣлять изъ пушекъ, захваченныхъ у насъ, но Никитинъ наотрѣзъ отказался исполнить ихъ требованіе. Тогда его стали страшно мучить. Сдирали ремнями кожу со спины, рубили пальцы то на той, то на другой рукѣ. Но Никитинъ мужественно перенесъ мученія и твердилъ одно: «противъ своихъ не пойду», и остался вѣренъ Царю и отечеству до самой смерти. Сами текинцы послѣ взятія Геокъ-Тепе съ удивленіемъ разсказывали о геройской смерти Агафона Никитина.

Еще примѣръ. При оборонѣ Шипки 9 Августа 1877 года, вечеромъ послѣ боя, встрѣчаетъ офицеръ раненаго солдата и спрашиваетъ:

— А гдѣ ты раненъ?

— На Николаѣ, бл-діе.

— Что-же ты, родной, не спѣшишь на перевязочный пунктъ?

— Объ этомъ, ваше благородіе, не безпокойтесь, еще успѣю перевязаться, а вотъ, говорятъ, подмоги намъ не будетъ,—такъ значитъ непріятель отобьетъ у насъ позицію и кровь наша даромъ пропадетъ...

И когда услышитъ этотъ истинно вѣрный сынъ Россіи, что подмога подоспѣла на выручку нашимъ войскамъ, непріятель отраженъ, засыпастъ вѣчнымъ сномъ съ радостнымъ сознаніемъ, что онъ честно исполнилъ долгъ службы и смерть его не даромъ обошлась непріятелю.

Вотъ этою-то безграничной преданностью дѣлу страшно наше войско всѣмъ народамъ.

Сила войска не въ громадѣ,
Сила въ духѣ и въ сердцахъ.

* *
*

Самоотверженность русскаго солдата поражаетъ иноземцевъ. Взорвать пороховой погребъ въ укрѣпленіи, съ тѣмъ, чтобы непріятельскій отрядъ взлетѣлъ на воздухъ и вмѣстѣ умереть самому—дѣло бывалое между русскими солдатами. Пуститься въ опасный путь, почти на вѣрную смерть, чтобы принести воды для товарищей и облегчить ихъ страданія отъ жажды—всегда являлись охотники. Случалось, что ждутъ, ждутъ молодца съ водой, да такъ и не дождутся, потому что непріятель зорко охранялъ воду. Бывало, въ послѣднюю войну съ Турціею, бѣжитъ нашъ солдатъ за водою, а по немъ десятки выстрѣловъ со стороны противника и, конечно, не обходилось безъ жертвъ. Но это не удерживало удальцовъ пускаться въ опасный путь.

А какую самоотверженность нашъ солдатъ показалъ при переправѣ черезъ Дунай въ послѣднюю войну съ Турціею...

— Ну, ребята, обращается генералъ Скобелевъ къ солдатамъ 14 дивизіи, намъ велятъ идти въ первую голову, а посылаютъ насъ потому, что вѣрятъ не мнѣ, а вамъ, понимаете?

— Понимаемъ, ваше пр-во, раздаются голоса.

— Середины нѣтъ,—продолжаетъ генералъ,—или за Дунаемъ, или въ Дунаѣ, понимаете?

— Понимаемъ, ваше пр-во.

— А если вамъ страшно, такъ и скажите: я другихъ попрошу.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр-во, никому окромя насъ: мы васъ поддержимъ, мы постоимъ за себя, слышалось громче и громче, а потомъ, какъ ураганъ, пронеслось «ура», задрожалъ воздухъ, залетали шапки.

Въ этихъ короткихъ, но задушевныхъ словахъ: «никому окромя насъ, мы васъ поддержимъ, мы постоимъ за себя», вылилась вся душа русскаго солдата: и его безграничная любовь къ своему начальнику и полное самоотверженіе— идти съ нимъ на явную смерть.

Примѣровъ самоотверженности русскаго солдата такъ много, что перечислять ихъ нѣтъ никакой возможности. Одно можно сказать, что нашъ солдатъ, по долгу службы, для пользы дѣла, ни на минуту не остановится передъ опасностію, хотя бы ему угрожала явная смерть.

Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло.

Русскій солдатъ неимовѣрно **терпѣливъ и выносливъ,** и особенно этимъ драгоцѣннымъ качествомъ онъ отличается на войнѣ. Страшный зной, холодъ до мозга костей, иногда и голодъ, словомъ всякаго рода лишенія и труды солдатъ переноситъ безропотно, утѣшая себѣ тѣмъ, «что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ». Случалось, что у другого на походѣ «кончались сапоги», какъ обыкновенно говорятъ солдаты, обозъ далеко позади, замѣнить нечѣмъ, а онъ и ухомъ не поведетъ; ужъ нѣсколько дней, какъ голыя ноги у него поцарапаны о камни или растрескались отъ жары, а солдатъ идетъ да посмѣивается. У иного выйдетъ гвоздь въ сапогѣ, да прямо рѣжетъ въ пятку, и это солдату ничего, онъ не остановится, не переобуется, боясь отстать отъ товарищей и показаться передъ ними бабой, а идетъ, прихрамывая, до самаго привала. Какъ наши солдаты неутомимы въ походахъ, стоитъ только припомнить маршъ генарала Радецкаго, на выручку Шипки, или Драгомирова: приходилось въ нѣкоторые дни дѣлать имъ по 50 верстъ и даже больше. Притомъ переходили крутые и длинные подъемы, которые съ каждымъ шагомъ были круче

и круче, стояла страшная жара и духота, солдаты томились отъ жажды, такъ какъ воды часто не хватало, и все ни почемъ, наши молодцы не опоздали прибыть на подмогу. Случалось ли солдату спать на голой и холодной землѣ или прямо на снѣгу, и это для него ничего: ранецъ въ голову, одну полу шинели подъ себя, другую на себя и спитъ нашъ богатырь непробуднымъ сномъ. Отморозитъ ли лицо, руки или ноги, да такъ, что кожа слѣзетъ, это его мало безпокоитъ. Ему напомнятъ о лазаретѣ, а онъ съ обидою отвѣтитъ: «вотъ, выдумали глупости, пойду съ такими пустяками валяться въ лазаретѣ, само все пройдетъ» и работаетъ, бывало, наравнѣ съ здоровыми товарищами. А какія операціи нашъ солдатъ способенъ перенести въ лазаретѣ, трудно представить себѣ. Отнимаютъ у героя руку или ногу, а онъ и не поморщится. Объ усыпительныхъ же средствахъ и слышать не хочетъ. Сами доктора удивлялись терпѣнію солдата во время операціи. Бывали, впрочемъ, иногда и просьбы со стороны больныхъ, но о чемъ? Не о томъ, конечно, чтобы полегче сдѣлать операцію, а вотъ, напримѣръ, одинъ матросъ просилъ доктора, при отнятіи руки, зашить кожу поаккуратнѣе, чтобы не видно было складокъ.

* * *

Многіе удивляются, какъ русскій солдатъ можетъ относиться такъ **хладнокровно** къ лишеніямъ, трудностямъ и вообще ко всѣмъ ужасамъ войны. Дѣйствительно, нашъ солдатъ въ самую страшную пору не теряетъ самообладанія, глубоко вѣря, что «чему быть, тому не миновать». Случалось, что въ бою отрядъ лишится начальника, и солдаты не теряли хладнокровія: кто-либо изъ нижнихъ чиновъ принималъ на себя права начальника, товарищи охотно подчинялись ему, и дѣло шло своимъ чередомъ. У другого засядетъ пуля въ ногѣ, а онъ спокойно достанетъ ножъ изъ кармана и давай имъ выковыривать пулю, вынетъ, и какъ ни въ чемъ ни бывало, остается на своемъ мѣстѣ.

Русскій солдатъ способенъ даже шутить и смѣяться въ то время, когда другимъ становится жутко. Вотъ летитъ и свиститъ пуля: «ишь ты завыла», скажетъ кто-либо изъ солдатъ. «Плачетъ, виноватаго не находитъ», смѣется другой. Градомъ сыплются пули, а между солдатами слышатся при-

баутки: «ничего, братцы, ничего, это пчелки летаютъ». Вотъ ранили подъ Шипкою унтеръ-офицера Кочанова. Увидѣвъ, что у него брызнула кровь изъ ноги, молодой солдатъ говоритъ ему:

— Ты раненъ, дяденька.

— Что ты врешь! Это комаръ укусилъ,—отвѣчаетъ раненый.

— Какъ комаръ, а кровь-то у тебя откуда?

— Эхъ, какой ты недогадливый: да пустилъ ланцетомъ, много было лишней, тяжелъ былъ на ноги, чтобы легче было въ походахъ, вотъ и выпустилъ лишнюю.

Безъ сомнѣнія, жгучая боль тревожила Кочанова, но онъ и виду не подалъ, даже шутилъ. Не даромъ по поводу русскаго солдата и пословица сложена: «Русскій солдатъ умеръ, а смѣется».

Не теряя присутствія духа во время опасности, русскій солдатъ при всей своей простотѣ, отличается изумительной **находчивостью**. Онъ часто съ успѣхомъ выходитъ тамъ, гдѣ у другого на его мѣстѣ опустились бы руки. Находчивость одного человѣка часто выручала изъ бѣды цѣлыя сотни. Не даромъ одинъ изъ нашихъ боевыхъ героевъ, придавая большую цѣнность находчивости, говоритъ: «на войнѣ не тотъ бьетъ, кто больше убиваетъ, а тотъ, въ комъ больше энергіи, упорства и находчивости». Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ солдатской находчивости. Однажды въ Крымскую компанію на редутъ Шварца принесли и поставили ушатъ съ армейской кашицей. Въ это время упала около самаго ушата бомба. Ближайшій матросъ не долго думая, подскочилъ къ ней, говоря: «добро пожаловать, Марья Ивановна, къ намъ на кашу», и при этихъ словахъ схватилъ бомбу и бросилъ въ ушатъ. Бомбу, конечно, не разорвало, вынули ее и стали хлебать кашу, шутя на счетъ бомбы, наѣвшейся русской каши.

* * *

Беззавѣтная преданность дѣлу связываетъ всю русскую армію въ одну дружную семью, несмотря на вѣроисповѣданіе или племенную разницу. На войнѣ устанавливаются самыя тѣсныя отношенія между всѣми частями великой русской арміи. Случалось, что раненый, у котораго осколкомъ бомбы была содрана вся кожа со спины, проситъ санитаровъ убирать

прежде товарищей его, трудно раненыхъ, а онъ еще потерпитъ. Съ товарищемъ онъ дѣлится радостью и горемъ, вмѣстѣ съ нимъ съѣстъ послѣдній сухарь, выпьетъ послѣднюю манерку воды, спѣшитъ на выручку товарищей, несмотря на свои тяжелыя раны.

— Вы это куда шинели надѣваете? — спрашиваетъ сестра милосердія двухъ солдатъ лейбъ-гвардейскаго сапернаго баталіона.

— Да къ себѣ идемъ въ баталіонъ, — отвѣчаетъ тотъ, что постарше.

— Да вѣдь ты раненъ?

— Руку задѣло повыше локтя, да ничего; вотъ землякъ перевязалъ, могу дѣйствовать.

— А ты куда раненъ? — спросила другого.

— Я въ плечо, родимая.

— Вы бы все-таки отдохнули въ лазаретѣ, а потомъ поправились бы и пошли къ своимъ, замѣтила сердобольная женщина.

— Нѣтъ, сестрица, не останемся: несподручно валяться въ лазаретѣ, когда товарищи подъ пулями,—и бойко пошли наши молодцы къ своимъ.

Еще примѣръ. Нижегородскаго драгунскаго полка унтеръ-офицеръ Петръ Готовицкій и рядовой Рудатьевъ были взяты горцами въ плѣнъ. Удалось имъ убѣжать изъ неволи, но въ первый же день Готовицкій такъ ослабѣлъ, что не могъ идти дальше. Тогда Рудатьевъ взялъ товарища на плечи и несъ его цѣлыхъ шесть дней, пока не добрались до русскаго укрѣпленія.

Вотъ она, матушка, Русь именитая,
Будь безконечная слава ей вѣчная!

Особенно съ теплымъ участіемъ относится нашъ солдатъ къ раненому товарищу. Онъ бережно перекладываетъ пострадавшаго на носилки, осторожно касается его ранъ своими загрубѣлыми руками, нѣжно укладываетъ и поворачиваетъ его, утѣшаетъ, ободряетъ и развлекаетъ. Теплыя, товарищескія отношенія еще сильнѣе обнаруживаются между солдатами въ лазаретѣ. Тутъ часто можно видѣть, какъ иной увѣчный старается чѣмъ-нибудь услужить больному товарищу, хотя самъ бѣдняга нуждается въ посторонней помощи.

Добрыя отношенія существуютъ у нижнихъ чиновъ не только между собою, но и къ начальникамъ ихъ и вообще офицерамъ. На войнѣ солдатъ бережетъ своего офицера, какъ что-то родное, близкое, дорогое ему. Прозябнетъ офицеръ, солдатъ торопливо укроетъ его своею шинелью, случится офицеру спать на голой и мокрой землѣ, солдатъ раздобудетъ соломы для его постели, разведетъ костеръ обогрѣть его, хотя бы вблизи не было ни одного прутика. Забудетъ офицеръ при отступленіи свое пальто, сумку съ съѣстными припасами или что другое изъ своихъ вещей, и непремѣнно найдется охотникъ сходить за вещами, несмотря на страшную пальбу со стороны непріятеля. И все это дѣлаетъ солдатъ не по приказу, а совершенно добровольно, съ искреннею любовью. Ранятъ офицера, и солдатъ, какъ родная мать, ухаживаетъ за нимъ, просиживаетъ при немъ по цѣлымъ ночамъ, скучаетъ, молитъ Бога о его выздоровленіи. Денщикъ подъ градомъ пуль разыскиваетъ своего офицера, чтобы подкрѣпить его пищею. Безутѣшно горюетъ, когда узнаетъ, что баринъ его убитъ въ бою. «Лучше бы мнѣ умереть», говоритъ со слезами преданный слуга. Солдатъ смотритъ на офицера не только какъ на старшаго чиномъ, но и какъ на отца, раздѣляющаго съ нимъ въ походѣ и на войнѣ всѣ трудности службы, сочувствующаго его радостямъ и соболѣзнующаго ему, когда постигнетъ его какое несчастіе. Онъ знаетъ, что офицеръ заботится о немъ больше, чѣмъ о самомъ себѣ. Эта беззавѣтная любовь и преданность солдатъ своимъ офицерамъ бываетъ такъ велика, что солдатъ, умирая, проситъ ротнаго командира благословить его.

* * *

По своей доброй натурѣ, нашъ солдатъ бываетъ **великодушенъ и сострадателенъ** къ побѣжденному непріятелю. Онъ не надругается надъ плѣнными, какъ солдаты непріятельскихъ армій, а старается успокоить, ободрить, оказать имъ ту или другую помощь. Раненому, въ случаѣ надобности, обмоетъ раны и перевяжетъ ихъ, пошутитъ съ нимъ по-пріятельски, будто съ давно знакомымъ,—и трубочки дастъ ему покурить и сухарикъ предложитъ.

При занятіи непріятельской страны, наши солдаты кротко и великодушно обращаются съ мирными жителями, за грѣхъ

считая всякое насиліе надъ ними. Особенно они ласково обращаются съ женщинами и дѣтьми. Бывали случаи въ послѣднюю нашу войну съ Турціею, что солдатъ, несмотря на собственное изнеможеніе, бралъ на руки дѣтей какой-нибудь турчанки, помогая ей дойти до пристанища. Русскій солдатъ до того сострадателенъ, что отдастъ плѣнному непріятелю послѣдній кусокъ хлѣба. Если случалось нашему солдату въ лазаретѣ лежать вмѣстѣ съ непріятелемъ и если онъ видѣлъ, что тотъ сильно страдаетъ отъ ранъ, то бывало проситъ доктора осмотрѣть прежде сосѣда, говоря: «онъ хуже меня раненъ, я подожду».

И эти качества—преданность дѣлу, добрыя отношенія къ товарищамъ, начальникамъ и старшимъ, великодушіе и сострадательность къ побѣжденному непріятелю — русскій солдатъ черпаетъ изъ религіознаго чувства. Онъ при всякомъ дѣлѣ говоритъ: «такъ я долженъ служить по присягѣ, такъ велитъ мнѣ присяга».

Чувствуя въ себѣ силу, онъ, при всей своей неустрашимости, постоянно обращается съ просьбой о помощи къ Богу. Эта покорность небесному Провидѣнію выражается въ его молитвѣ. Часто наединѣ, въ сторонѣ отъ своей части, онъ усердно молится Богу, испрашивая себѣ и общему дѣлу помощь свыше.

Но вмѣстѣ съ вѣрою, изъ которой русскій солдатъ черпаетъ для себя воодушевленіе, величайшее для него значеніе имѣетъ воинская дисциплина. Та непобѣдимая сила, какою прославилась наша армія, зиждется главнымъ образомъ на дисциплинѣ. Дисциплина движетъ его на всѣ доблести, и въ ней хранится залогъ могущества русскаго солдата. Дисциплина — душа военной службы.

Такимъ былъ нашъ солдатъ въ прежнее время. А теперь въ эту страшно кровопролитную Великую Войну каковъ онъ? Сохраняются ли въ немъ тѣ высокія боевыя качества, какими раньше наши солдаты прославились на весь свѣтъ? Не отсталъ ли онъ въ чемъ-нибудь отъ своихъ предковъ-героевъ?

Слава Богу, къ величайшему нашему торжеству и національной гордости, мы видимъ его тѣмъ же чудо-богатыремъ, чѣмъ были его дѣды и прадѣды. Кто не знаетъ, что онъ въ продолженіе безъ малаго двухъ лѣтъ на театрѣ нынѣшней войны, ни при какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, не только не уронилъ славу прежней арміи, но еще выше поднялъ ее, поднялъ на недосягаемую высоту, къ удивленію всего міра.

Читая извѣстія о побѣдахъ, одержанныхъ нашими войсками на всѣхъ фронтахъ тысячныхъ одного отъ другого разстояній, не знаешь, кѣмъ больше восхищаться—пѣхотою ли или кавалеріей, артиллеріею или флотомъ. Приходишь въ восторгъ до умиленія души отъ всѣхъ частей нашего многомилліоннаго войска, когда слышишь о безпримѣрной храбрости и самоотверженности. Всѣ добрыя боевыя качества, во всей ихъ нераздѣльной совокупности, необходимыя на войнѣ, блещутъ въ нынѣшнемъ солдатѣ такимъ яркимъ свѣтомъ, что сердце переполняется чувствомъ радости и благоговѣнія. Безспорно нынѣшній солдатъ стяжалъ себѣ столько глубокой благодарности отъ своихъ соотечественниковъ и по своимъ заслугамъ столько знаковъ боевыхъ отличій, что о немъ на вѣчныя времена сохранится свѣтлая память въ его потомствѣ и впишется имя его на страницахъ Отечественной исторіи золотыми буквами.

Вотъ маленькая частица отдѣльныхъ примѣровъ о его безсмертныхъ доблестяхъ, наскоро собранныхъ.

Впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы прежде всего сказать о томъ, что говорятъ о нашихъ нынѣшнихъ солдатахъ наши непріятели. Напримѣръ, въ одной нѣмецкой газетѣ военный корреспондентъ такъ характеризуетъ нашего солдата:

«Русскій солдатъ,—говоритъ онъ,—это противникъ, съ которымъ надо очень и очень считаться. Онъ отваженъ, прекрасно питается, прекрасно вооруженъ, исполненъ личнаго мужества и презрѣнія къ смерти. Въ натискѣ онъ бурно стремителенъ, въ оборонѣ чрезвычайно стоекъ. Хорошо умѣетъ пользоваться характеромъ мѣстности, невѣроятно легокъ на подъемъ, быстро зарывается въ окопы, которые черезъ нѣсколько дней въ его рукахъ превращаются въ укрѣпленія постояннаго типа. Наступленіе противъ такихъ позицій требуетъ много времени и жертвъ, представляетъ массу затрудненій. Есть такія земляныя укрѣпленія, которыя своими размѣрами и прочностью вызываютъ удивленіе и восхищеніе.

Русскія батареи маскируются такъ искусно, что нашимъ летчикамъ очень трудно ихъ выслѣдить».

* * *

Корреспондентъ «Новаго Времени» приводитъ разсказъ раненаго венгерскаго офицера-гусара о лихихъ атакахъ казаковъ:

— Гдѣ и какъ вы попали въ плѣнъ?

— Подъ Луцкомъ,—казакъ меня забралъ.

— Одинъ казакъ?

— Одинъ.

— А васъ сколько было?

— Насъ было много, но онъ опомниться не далъ, выхватилъ изъ строя.

— О, вы, штатскій человѣкъ,—продолжалъ венгерецъ,—не можете представить себѣ, что такое ваши казаки, когда они летятъ на насъ. Повторяю, насъ было много, и мы готовы были сражаться, но они налетѣли на насъ въ одинъ мигъ, и я не успѣлъ отклониться, какъ одинъ казакъ нанесъ мнѣ сразу три удара: пикой, саблей и кулакомъ. Какъ онъ могъ такъ сразу, не знаю. Я даже упасть не успѣлъ, онъ схватилъ меня за шею, въ одинъ мигъ перетащилъ на свою лошадь и увезъ. Я очнулся не скоро и увидѣлъ много казаковъ и много нашихъ плѣнныхъ... О, ваши казаки,—закончилъ венгерецъ,—съ ними трудно: они не хотятъ сражаться, какъ всѣ, а прямо налетаютъ, палятъ и берутъ...

ХРАБРОСТЬ и ОТВАГА.

Длинный рядъ геройскихъ подвиговъ открываетъ собою казакъ Козьма Крючковъ. Всю Россію облетѣла вѣсть о его изумительномъ боѣ съ нѣмецкимъ разъѣздомъ въ началѣ войны.

30-го іюля 1914 года Козьма Крючковъ, замѣтивъ около мѣстечка Коцвары, недалеко отъ нашей границы, нѣмецкій разъѣздъ, состоявшій изъ 27 всадниковъ, съ гикомъ бросился на непріятеля. Ловко владѣя шашкой, вертясь среди враговъ волчкомъ, онъ первымъ ударомъ свалилъ офицера, начальника разъѣзда, а затѣмъ, несмотря на полученныя раны, продолжалъ рубить направо и налѣво окружавшихъ

его всадниковъ. Когда выбили у него изъ рукъ шашку, онъ вырвалъ у пруссака-кавалериста пику и сталъ защищаться ею, нанося ударъ за ударомъ разъѣзду. Къ величайшему изумленію и ужасу, онъ одинъ убиваетъ 11 человѣкъ нѣмцевъ, остальные развѣдчики, оставшіеся въ живыхъ, пустились въ бѣгство...

Когда нашъ славный герой вернулся въ свою сотню, у него насчитали 16 колотыхъ ранъ и 11 ранъ у его незамѣнимаго товарища, лихого, какъ онъ самъ, коня.

За свою изумительную храбрость Козьма Крючковъ первый пожалованъ Георгіевскимъ крестомъ.

* * *

Приведемъ изъ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей» письмо Козьмы Крючкова къ родителямъ, въ которомъ герой просто и образно разсказываетъ о своемъ подвигѣ. Пусть не сѣтуютъ читатели на грамматическія ошибки въ письмѣ:—казакъ Крючковъ долженъ владѣть не перомъ, а шашкой и пикой.

1914 г. 3 дня августа Господи благослови письмо написать да на тихой Донъ паслать радной сямье здравствуитя дорогая моя семия я по милости Господа Бога нахожусь живъ и здоровъ чево и вамъ желаю получить отъ Бога скораго успеха дѣлахъ рукъ вашихъ затемъ по нискому и усердному поклону посылаю въ семъ роднымъ и знакомымъ ниска кланюсь всему тихому дону ниска кланююся всемъ православнымъ христеянамъ помолитесь Богу обнасъ всехъ военохъ затѣмъ мы были посланы въ разиветъ изъ местека Коцвари къ границы 10 верстъ 5 розъездовъ 6 человекъ врозъезди внашимъ врозъезди былъ приказнай Казьма Фирсавичъ Крючковъ Иванъ Щаголковъ Василій Астаховъ схутора Астаховъ Михаилъ Иванковъ съ хутора Карігинъ двое увезли донесение 29 іюля и мы осталися ночъ баялися 30 іюля семь чесовъ утра наворили картошки поели я лохъ спать немнога мене будютъ ставай Фирсавичъ я скачилъ что тутъ вонъ немцы я взялъ бинокъ посмотрѣлъ 27 человѣкъ сѣли мы погоние поехали надграницай адбили ихъ отграницы и погнали верстъ 12 прагнали 1 офицеръ нѣмцы збутовалися офицера убили мы немцы еще збутовалися товарищи мои поскакали двоя направо одинъ вылеза а я одинъ остался немцы зачали

миня колоть пиками, а я отбивался винтовкою винтовку у меня выбили а я выхватилъ шашку шашкой рубилъ шашку вълажилъ вырвалъ у немца пику да пикою докололъ 11 человѣкъ пріѣхалъ всотню мине осматрѣли сочли у меня 16 ранъ у коня 11 ранъ отъправили мине въ больницу пріехалъ командочій вболницу снелъ себе 1 степени Геворгиское крестъ навесилъ на мине благодарилъ мине теперя идутъ ко мнѣ господа офицеры полковники хорунжи за ручку берутъ астаюся живъ и здравъ какъ самъ такъ и конь денъ 5 пробуду вболницы потомъ поѣду въ сотню».

Новые подвиги Козьмы Крючкова.

Козьма Крючковъ находится въ одномъ изъ госпиталей въ мѣстечкѣ Х., педалеко отъ Варшавы. Послѣ извѣстнаго дѣла съ двадцатью семью нѣмцами онъ, оправившись отъ одиннадцати ранъ, снова возвратился въ армію и былъ участникомъ слѣдующаго лихого дѣла.

Нужно было развѣдать расположеніе германскихъ войскъ. Крючковъ и еще 10 человѣкъ вызвались произвести эту развѣдку. Подъѣхали къ деревушкѣ М., въ которой расположился отрядъ человѣкъ въ двадцать германцевъ-кавалеристовъ. Недолго думая, они ворвались въ деревню, половину перебили, остальныхъ забрали въ плѣнъ и нашли у нихъ цѣнные документы относительно расположенія германскихъ войскъ.

Затѣмъ Крючковъ участвовалъ въ большихъ бояхъ, получилъ три раны, изъ которыхъ одна въ бокъ—самая опасная. Но врачи надѣются вылѣчить его. Крючковъ въ настоящее время имѣетъ всѣ четыре степени ордена св. Георгія (полный бантъ) и получаетъ 50 рублей ежемѣсячнаго жалованья.

Не штыкомъ—такъ руками.

При отступленіи изъ-подъ одного мѣстечка западной Польши, сверхсрочный унтеръ - офицеръ — стрѣлокъ Куркинъ, при переходѣ черезъ ручей, поскользнулся и уронилъ винтовку въ воду. Въ это время на него наскочилъ прусскій офицеръ и выстрѣломъ ранилъ въ грудь. Послѣдній, не растерявшись, безоружный, подбѣжалъ къ офицеру и, схвативъ его за шею руками, повалилъ въ ручей и утопилъ.

На глазахъ непріятельскаго разъѣзда.

Въ бою подъ В. казакъ везъ донесеніе большой важности изъ разъѣзда и нарвался на непріятельскій разъѣздъ. Подъ казакомъ убили коня. Тогда не растерявшійся казакъ ссадилъ выстрѣломъ передняго гусара-венгерца съ лошади, вскочилъ на нее и на глазахъ всего разъѣзда ускакалъ; такимъ образомъ, онъ передалъ донесеніе своевременно лично командиру корпуса; тутъ же молодецъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ 3-й степени, въ виду особой важности донесенія и выдающейся лихости и находчивости доставившаго его.

Казакъ Скакуновъ.

Казаки одной изъ сотенъ, съ чувствомъ гордости вспоминаютъ своего урядника Скакунова, который отличился плѣненіемъ нѣсколькихъ непріятельскихъ офицеровъ.

Брать въ плѣнъ солдатъ онъ не любилъ.

— Какъ мы въ атаку на ихъ кавалеристовъ идемъ, онъ сейчасъ къ намъ съ просьбой:

— Братцы, вы ужъ мнѣ офицера предоставьте.

Скакуновъ съ небольшимъ отрядомъ въ 15—20 человѣкъ налеталъ на цѣлые эскадроны.

— Не разъ онъ командировъ забиралъ. Передъ нашимъ раненіемъ,—передаютъ казаки,—мы также влетѣли въ австрійскую сотню:

Скакуновъ въ самой гущѣ. Зычнымъ голосомъ кричитъ: „саблей рубить“!

Опять, по своему обычаю, до офицера добрался. Тотъ его изъ револьвера хотѣлъ пристрѣлить.

Скакуновъ шашкой ему руку отрубилъ.

Когда увидали австрійскіе кавалеристы, что ихъ командиръ раненъ, сразу въ разбѣгъ бросились.

Многихъ мы положили тогда, а Скакуновъ раненаго офицера безъ руки къ намъ въ плѣнъ привезъ.

Скакуновъ къ многимъ наградамъ представленъ.

Гусаръ Моисеенко.

Дѣло очень жаркое было, подступили мы къ маленькой деревушкѣ и осторожно подвигались по правому берегу не-

большой рѣчки. Неподалеку отъ насъ показался большой конный отрядъ. Совсѣмъ было собрались открыть пальбу по немъ, да вдругъ они намъ кричатъ «свои!». Нашъ разъѣздъ былъ небольшой и мы должны были узнать, гдѣ нѣмецъ засѣлъ. Тогда я говорю нашимъ: «подождите-ка здѣсь, братцы, а я подползу къ опушкѣ и все разузнаю». Спѣшился я значитъ и началъ прокрадываться къ опушкѣ лѣса. Не доходя до нея этакъ шаговъ десять, гляжу—блестятъ двѣ нѣмецкія каски. Ну, думаю, съ двумя-то нѣмцами я справлюсь, и сразу кинулся на нихъ. Одного прикладомъ стукнулъ, онъ тутъ же свалился, а другого пришлось штыкомъ, онъ тоже сразу упалъ. Гляжу,—а нѣмцевъ еще человѣкъ 10 въ кустарникѣ спрятались. Отступать, конечно, уже поздно было. Я кинулся, что есть мочи на нѣмцевъ, стукнулъ изо всей силы одного, который поближе прикладомъ, а у другого нѣмца пику выхватилъ и прикололъ его.

Нѣмцы растерялись, двое бросились бѣжать, а остальные побросали пики, подняли руки вверхъ, и начали что-то бормотать на своемъ языкѣ. «Въ плѣнъ, дескать, сдаемся».

Я въ первое время даже было смутился,—вотъ ужъ не ожидалъ чего, чтобъ одному семь человѣкъ сдалось. Нѣмцевъ значитъ всего 13 человѣкъ было, четырехъ-то я изъ нихъ изъ строя вывелъ, двое убѣжали, а семерыхъ оставшихся и повелъ къ своимъ. А наши уже подъѣзжали,—потому нѣмцы и перепугались. Сдалъ я имъ, значитъ, плѣнныхъ,—вотъ потѣха была. Наши давай меня поздравлять:—ай, да Моисеенко!—чуть не цѣлый эскадронъ нѣмцевъ одинъ привелъ. А тутъ случай: когда я плѣнныхъ сдавалъ—двое нѣмцевъ, которые были убѣжамши, палить начали по насъ изъ лѣсу—вотъ одной пулей и руку раздробило. Большая охота у насъ была этихъ нѣмцевъ поймать, да время было поворачивать.

Извозчикъ-лихачъ.

Объ одномъ изъ московскихъ извозчиковъ-лихачей, взятомъ изъ запаса въ дѣйствующую армію, передаютъ интереснѣйшія подробности. „Гаврюшка“, такъ вся рота называетъ лихача, назначенъ кучеромъ на лазаретной линейкѣ. Четверка лошадей, запряженная въ линейку, тоже взята изъ Москвы. Лошади лихія: «не лошади, а звѣри». Но Гав-

рюшка управляется съ ними на славу. Еще до встрѣчи съ непріятелемъ, «Гаврюшка» всѣмъ и каждому говорилъ: «лошадей не пожалѣю, самъ живъ не буду, а ужъ одного австрійца обязательно убью». Насталъ день боя. «Гаврюшка» не долго думая, взялъ съ линіи винтовку у одного больного солдата, вышелъ на переднюю линію, и, какъ говорятъ, наповалъ убилъ одного солдата. Потомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, снова принялся вывозить раненыхъ изъ подъ самаго жестокаго огня. На всѣ совѣты поберечь себя и держаться вдали отъ цѣпи, «Гаврюшка» неизмѣнно отвѣчаетъ: «ничаво, будетъ ладно и такъ»... Во время боя, «Гаврюшка подбадриваетъ солдатъ разными шуточками и прибауточками, во время отдыха онъ имъ первый другъ и помощникъ. Лихачъ-герой представленъ начальствомъ къ Георгіевскому кресту.

Съ донесеніемъ.

Во время осады крѣпости Осовца, наши солдаты проявляли чудеса храбрости и отваги. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нашихъ солдатъ былъ посланъ съ донесеніемъ на передовыя позиціи. Когда гонецъ ѣхалъ по дорогѣ, ему встрѣтились трое мужчинъ, одѣтыхъ въ польскую одежду. Гонецъ ихъ принялъ за сельчанъ и довѣрчиво сталъ съ ними разговаривать. Но это оказались переодѣтые германскіе солдаты, которые неожиданно открыли стрѣльбу и бросили въ нашего солдата разрывной снарядъ. У гонца оторвало два пальца на рукѣ. Несмотря на это, онъ выхватилъ саблю и зарубилъ нѣмцевъ. Помчался впередъ и исполнилъ порученіе.

Второй Крючковъ.

Рядовой Александръ Михайловъ, раненый въ бою съ австрійцами, разсказываетъ слѣдующее:

— Лежалъ я на опушкѣ, сильно раненый въ руку, возлѣ плеча, и видѣлъ, какъ выѣхалъ изъ лѣсу казакъ, потерявшій, очевидно, своихъ товарищей. Казака мигомъ окружили восемь австрійскихъ кавалеристовъ. Махнувъ два раза шашкой, казакъ пустился на хитрость: „братцы сюда“!—крикнулъ онъ по направленію къ лѣсу, въ которомъ, конечно, ни кого не было. Австрійцы, испугавшись, что изъ лѣса сей-

часъ вылетятъ казаки, показали спины. Но не тутъ-то было. Разъяренный казакъ бросился за ними и врѣзался въ самую гущу непріятельскаго отряда. Какъ онъ рубилъ! И туда и сюда, и направо и налѣво. Все смѣшалось. Только сверкала казацкая сабля. Пятерыхъ австрійцевъ изрубилъ, одинъ удралъ, двое сдались въ плѣнъ.

Побѣдить или умереть.

Только что вернувшійся съ галиційскихъ полей сраженія штабъ-офицеръ одного изъ полковъ, дѣйствовавшихъ подъ Люблиномъ, разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ, во время 4 дневнаго большого боя, блестяще рѣшившаго участь другихъ нашихъ геройскихъ боевъ.

Части, къ которой принадлежалъ онъ, данъ былъ приказъ, во что бы то ни стало сдѣлать брешь въ линіи непріятельскихъ войскъ.

Завязался жаркій бой, продолжавшійся съ 24 по 28 августа безъ перерыва.

Орудія громыхали, не умолкая ни на одну минуту. Это былъ настоящій адъ. Сѣявшіе пораненія и смерть снаряды, однако, не смущали духъ нашихъ полковъ.

— Не обращая ни малѣйшаго вниманія на ежеминутно рвущуюся шрапнель, ни на свинцовый дождь, солдаты неудержимо рвались впередъ съ неослабной энергіей, съ единственной цѣлью или побѣдить или умереть.

НЕУСТРАШИМОСТЬ.

На рѣкѣ Санъ.

Когда нужно въ бродъ, такъ и въ бродъ. Нашимъ все равно. Напримѣръ, противникъ въ значительныхъ силахъ занималъ Ярославскія укрѣпленія, имѣя линіи окоповъ на западномъ берегу рѣки. Было рѣшено—взорвать желѣзную дорогу на перегонѣ Ярославль-Пржеворскъ, чтобы затруднить отступленіе австрійцевъ на западъ. Линія, конечно, зорко охранялась

противникомъ. Выполнить эту въ высшей степени трудную и опасную задачу вызвались два офицера драгунскаго полка—поручикъ К. и корнетъ Х.

Имъ предстояло вплавь или вбродъ перебраться на противоположный берегъ Сана, оставаясь незамѣченными, прокрасться мимо непріятельскихъ окоповъ, добраться до полотна желѣзной дороги и взорвать мостъ на виду у австрійцевъ.

Поздно вечеромъ офицеры собрались въ путь, захвативъ съ собой 6 драгунъ охотниковъ.

Ночь была темная и сырая, подъ конскими копытами чмокала промокшая земля.

Черезъ Санъ переправились у Сенявы по полуразрушенному мосту, ведя лошадей въ поводу. Потомъ пошли лѣсомъ и болотами, прислушиваясь къ каждому шороху. Только на второй день къ разсвѣту удалось достичь желанной цѣли—желѣзнодорожнаго моста. Остановились на опушкѣ лѣса и осмотрѣлись, подъ мостомъ шалаши, видны винтовки. Ничего другого не остается, какъ дѣйствовать смѣлымъ налетомъ.

Пошли маршъ-маршъ впередъ. Охрана изъ нѣсколькихъ часовыхъ растерялась и скрылась: корнетъ Х. и нѣсколько драгунъ соскочили съ лошадей и быстро взобрались на мостъ; поручикъ К. съ остальными остался внизу сторожить. Стали привязывать къ мосту пироксилиновыя шашки. Надо работать быстро, но аккуратно; каждая ошибка или промедленіе могли испортить все дѣло.

Вдругъ дозорный увидалъ наступающую австрійскую цѣпь.

— Ваше благородіе, австрійцы!

— Скорѣй налаживай!

— Спички забылъ, спички подайте,—раздался въ отвѣтъ нервный голосъ корнета.

Снизу подали спички.

— Ваше благородіе, и съ другой стороны цѣпь,—не иначе, что обходятъ,—доложилъ дозорный.

— Скорѣй кончайте, долой съ моста,—крикнулъ поручикъ.

— Погоди, дай кончить—спокойно отвѣтилъ корнетъ и чиркнулъ спичку, но она отсырѣла, другую—тоже. Силуэты австрійцевъ вырисовывались все яснѣе; было видно, какъ ближніе подбѣгали къ мосту. Наконецъ, спичка зажглась,

вспыхнулъ фитиль. Драгуны слетѣли съ моста, вскочили на коней и пошли. Но вотъ поручикъ К. видитъ, что одна лошадь безъ всадника, кого-то забыли. «Стой, назадъ»!—крикнулъ онъ. Вернулись, подобрали отставшаго; австрійцы уже окружили.

Драгуны помчались въ лѣсъ. Еще не достигли они желанной опушки, какъ оглушительный взрывъ оповѣстилъ ихъ, что опасная работа не пропала даромъ.

Лейтенантъ Рогусскій.

На потопленномъ нами въ Черномъ морѣ транспортѣ «Прутѣ», кромѣ извѣстнаго героя-іеромонаха Антонія, погибъ геройской смертью лейтенантъ Рогусскій.

Когда, при встрѣчѣ съ неизмѣримо сильнымъ врагомъ, крейсеромъ-дредноутомъ «Гебеномъ», сопровождаемымъ миноносцами, нашему транспорту «Пруту» грозила неминуемая гибель, рѣшено было затопить судно, чтобы оно не попало въ руки непріятеля.

Немедленно были открыты кингстоны, и вода фонтаномъ хлынула въ открывшіяся отверстія.

Но врагъ близокъ. Явилось опасеніе, что онъ можетъ захватить корабль, прежде чѣмъ многочисленныя помѣщенія послѣдняго успѣютъ заполниться водой. Нужно было ускорить погруженіе судна и привести его въ полную негодность.

Минный офицеръ, спеціалистъ по устройству взрывовъ разнаго рода, рѣшилъ выполнить свой долгъ по отношенію къ родному кораблю идеально, въ совершенствѣ, не только приложивъ всѣ свои силы и умѣнье, но и пожертвовавъ своей жизнью, потому что, пожалѣвъ себя, можетъ быть, не достигнешь быстраго и полнаго взрыва, необходимаго на кораблѣ въ виду приближающагося врага.

Въ это время команда, получившая разрѣшеніе отъ начальства спасаться, столпилась около траповъ на открытой палубѣ.

Рѣшившійся умереть геройской смертью лейтенантъ Рогусскій быстро подошелъ къ матросамъ и, обращаясь къ нимъ, главнымъ образомъ имѣя въ виду своихъ подручныхъ минеровъ, сказалъ:

— Кто не хочетъ спасаться, пойдемъ со мной взрывать корабль.

Можетъ быть, у него было желаніе подѣлиться счастьемъ безсмертнаго подвига съ другими, а можетъ быть онъ хотѣлъ имѣть героя-соучастника для поддержанія бодрости въ себѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ нуждался въ помощи другихъ, чтобы попасть на мѣсто своего подвига—въ пороховой погребъ, обычно крѣпко закрывающійся тяжелой дверью или крышкой.

Когда былъ открытъ пороховой складъ корабля, лейтенантъ Рогусскій моментально спустился въ него и оттуда произнесъ послѣднія слова по адресу своихъ помощниковъ:

— Ну, теперь уходите!

Послѣ этого послѣдніе изъ команды, не нашедшіе себѣ мѣста въ шлюпкахъ, бросились въ воду.

На «Прутѣ» остались: на верхнемъ мостикѣ іеромонахъ Антоній, старецъ, молящійся о спасеніи своихъ духовныхъ чадъ, и въ трюмѣ, въ пороховомъ погребѣ, молодой минный офицеръ лейтенантъ Рогусскій, готовившійся своею жизнью спасти честь своего корабля подъ Андреевскимъ флагомъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и изнутри «Прута» раздался взрывъ. Это доблестно погибъ лейтенантъ Александръ Владиславовичъ Рогусскій, не пощадившій своей молодой жизни для славы родного флота.

Плававшая въ водѣ команда, будто по сигналу, послѣ взрыва громко и дружно прокричала «ура» въ память своего геройски скончавшагося офицера и въ честь славно погибающаго корабля.

Вѣчная память сильному духомъ герою «Прута» Александру Владиславовичу Рогусскому!

Матросъ Петръ Семенищевъ.

Матросъ Балтійскаго флота Петръ Семенищевъ, крестьянинъ вятской губерніи,—служащій въ Морскомъ полку особаго назначенія, былъ посланъ въ составѣ партіи минеровъ въ городъ С. Во время работъ этой партіи, по снятію минныхъ загражденій, поставленныхъ австрійцами на рѣкѣ Вислѣ, одна изъ непріятельскихъ минъ, сорвавшись съ якоря, поплыла внизъ по теченію. Замѣтивъ это и понимая, что мина грозитъ взорваться при столкновеніи съ первымъ же попав-

шимся ей на пути судномъ или мостовымъ устоемъ, Семенищевъ бросился въ рѣку и поплылъ къ минѣ. Руки у него были заняты плаваніемъ, а потому онъ ухватилъ мину зубами и началъ «буксировать» ее къ берегу, рискуя ежесекундно быть разорваннымъ на части при малѣйшемъ толчкѣ. Однако, все обошлось благополучно, и мина, доставленная на берегъ, была взорвана.

За этотъ блестящій подвигъ матросъ Семенищевъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4 степени. Но это еще не все...

20 августа 1915 года находясь въ передовомъ окопѣ, впереди котораго минеры Морского полка ставили фугасы, Семенищевъ увидалъ нѣсколько непріятельскихъ развѣдчиковъ, которые подошли къ фугасу, и, не взирая на то, что ихъ было 8 человѣкъ, выскочилъ изъ окопа и бросился на нихъ.

Надо добавить—Семенищевъ былъ вооруженъ винтовкой и имѣлъ при себѣ только лишь пять патроновъ.

Въ происшедшей схваткѣ Семенищевъ убилъ двоихъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство, но при этомъ и самъ получилъ семь штыковыхъ ранъ и два удара прикладомъ по головѣ.

Послѣ этого Семенищевъ десять дней пролежалъ въ госпиталѣ, а затѣмъ выписавшись, разыскалъ свой Морской полкъ и явился къ командиру.

За этотъ подвигъ Семенищевъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 2 степени.

Подъ Ченстоховомъ.

Подъ Ченстоховомъ для охраны важнаго стратегическаго моста, нѣмцы поставили передовую цѣпь, за ней заставу, и кромѣ того усиленную охрану самого мостового строенія. Отрядъ кубанцевъ въ составѣ четырехъ человѣкъ, ночью попытался взорвать мостъ. Запасшись пироксилиновыми шашками и бикфордовымъ шнуромъ, казаки прошли цѣпь, снявъ безъ крика кинжалами часовыхъ, и проползли къ рѣкѣ. Бросившись въ воду, они въ темнотѣ подплыли къ деревяннымъ устоямъ моста и, ловко взобравшись по перекладинамъ подъ настилъ, кинжалами сдѣлали отверстія и, прикрѣпивъ шашки,

подожгли шнуръ. Уплывъ обратно и выбравшись на берегъ, храбрецы стали ожидать взрыва, котораго, къ смущенію ихъ, долго не было. Для провѣрки они рѣшили бросить жребій и послать одного осмотрѣть шнуръ. На жеребьевку никто не согласился, такъ какъ всѣ рѣшили плыть вторично. Доплыли опять до моста. Оказалось, что въ одномъ мѣстѣ шнуръ замокъ и потухъ. Его обрѣзали и зажгли снова. Свѣтъ привлекъ вниманіе нѣмцевъ, которые открыли по рѣкѣ пальбу. Казаки, видя, что дѣло плохо, бросились въ воду и поплыли по теченію. Не успѣли они отплыть и 10 саженъ, какъ раздался взрывъ, и мостъ рухнулъ въ рѣку. Храбрецы, выйдя на берегъ, благополучно вернулись къ своимъ.

ВѢРНОСТЬ ПРИСЯГѢ.

Рядовой Николай Алексѣевъ.

Когда рядовой Николай Алексѣевъ, вмѣстѣ съ другими нашими солдатами попалъ въ плѣнъ, то австрійцы заставили его рыть окопы.

Зная, что эти работы направлены противъ насъ, онъ рѣшительно отказался принимать въ нихъ участіе. Всякими мученіями и истязаніями старались австрійцы заставить его подчиниться ихъ требованію, но ничего отъ него не добились. Наиболѣе тяжкимъ мученіемъ, которому подвергся Алексѣевъ, было слѣдующее:

Его поставили спиной къ дереву на нѣсколько кирпичей, положенныхъ одинъ на другой, связали ему въ щиколоткахъ ноги бичевкой, подвѣсивъ послѣднюю на вбитый на этой высотѣ гвоздь, и слабо привѣсили туловище къ дереву. Затѣмъ кирпичи вытащили, такъ что Алексѣевъ оказался подвѣшеннымъ на гвоздѣ. Такъ его держали минутъ двадцать, причемъ въ то же время австрійскій офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ все время грозилъ смертью. Зрѣлище было тягостное, такъ что отъ него отворачивались даже караульные австрійцы.

Когда и послѣ этого Алексѣевъ отказался рыть окопы, его увезли въ одинъ изъ штабовъ для суда, и посадили въ тюрьму.

Поведеніе Алексѣева произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ плѣнныхъ и даже на австрійцевъ.

Между прочимъ офицеры при тюрьмѣ, гдѣ содержался Алексѣевъ, выводя своихъ заключенныхъ, арестованныхъ за пьянство и т. п. проступки, ставили на лѣвый флангъ шеренги Алексѣева и, браня и укоряя своихъ австрійцевъ, называя ихъ за недостойное поведеніе «внутренними врагами государства», въ то же время ставили имъ въ примѣръ русскаго Алексѣева, проявившаго столько преданности родинѣ.

По возвращеніи Алексѣева изъ заключенія, онъ снова отказался рыть окопы, несмотря на то, что австрійцы убѣждали его, что эти окопы не предназначаются противъ русскихъ.

Послѣ этого Алексѣева увезли въ лагери военно-плѣнныхъ, и дальнѣйшая его участь неизвѣстна.

О геройскомъ поведеніи Николая Алексѣева въ плѣну было доложено Его Величеству Государю Императору.

Унтеръ-офицеръ Порфирій Панасюкъ.

20-го марта къ фронту нашихъ войскъ добрался бѣжавшій изъ плѣна развѣдчикъ, запасной унтеръ-офицеръ Порфирій Панасюкъ, съ отрѣзаннымъ правымъ ухомъ и изуродованнымъ носомъ. Германцы захватили Панасюка съ 15 на 16 марта въ селеніи Домброво, что сѣвернѣе Мышинца, откуда препроводили для допроса въ штабъ, расположенный на Расогѣ. Тамъ, въ присутствіи 10 офицеровъ, Панасюка начали принуждать дать свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ и предложили за денежное вознагражденіе шпіонить въ пользу нѣмцевъ. На категорическій отказъ Панасюка, со стороны нѣмецкихъ офицеровъ послѣдовала угроза, что ему, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, будутъ рѣзать по кускамъ уши, носъ, выколютъ глаза и наконецъ повѣсятъ за ноги. Угроза не поколебала мужества Панасюка, онъ вновь отказался дать какія-либо свѣдѣнія о нашихъ войскахъ. Тогда одинъ изъ офицеровъ приказалъ принести ножницы и приступилъ къ звѣрской пыткѣ: онъ собственноручно отрѣзалъ сначала мочку праваго уха, затѣмъ, послѣдовательно въ четыре пріема въ теченіе часа, отрѣзалъ кругомъ ушную раковину, оставивъ небольшой хрящъ вокругъ слухового прохода; въ то же время

другой офицеръ изуродовалъ носъ, отдѣливъ рукою хрящъ отъ костей, и наносилъ удары каблукомъ по зубамъ. Мужественно и самоотверженно перенося пытку, Панасюкъ упорно продолжалъ отказываться отвѣчать на предложенные ему вопросы о нашихъ войскахъ. Не достигнувъ успѣха болѣе чѣмъ часовой пыткой, допрашивавшій офицеръ приказалъ отвести Панасюка подъ арестъ. На пути Панасюкъ, пользуясь темнотой ночи, бѣжалъ отъ сопровождавшаго его конвоя и прибылъ на фронтъ нашихъ войскъ. Панасюкъ поступилъ въ лазаретъ Елисаветинской общины Краснаго Креста въ Варшавѣ. Составленные врачами протоколы и фотографическіе снимки съ изуродованнаго пыткой лица будутъ предоставлены печати. Верховный Главнокомандующій за вѣрность присягѣ и мужество пожаловалъ Порфирію Панасюку Георгіевскій крестъ 1 степени и денежное пособіе.

Теперь и помирать не стыдно.

Среди доставленныхъ нижнихъ чиновъ обратилъ на себя вниманіе молодой солдатъ уже съ почетнымъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія.

Юный герой—одинъ изъ уцѣлѣвшихъ героевъ пулеметной роты, которая принимала участіе въ битвѣ подъ Томашевымъ.

Онъ находился у пулемета вмѣстѣ съ офицеромъ. Адская шрапнель засыпала нашихъ. Одинъ за другимъ гибли нижніе чины. Былъ убитъ старшій офицеръ, тяжело раненъ молодой подпоручикъ.

Герой не унывалъ и продолжалъ выпускать страшную ленту зарядовъ изъ пулемета.

Его уже ранило въ руку, ударило въ шею, а онъ продолжалъ стрѣлять и наводилъ панику на большой кавалерійскій отрядъ, который не могъ подойти къ отважному пулеметчику. Очевидно, враги полагали, что въ окопахъ засѣлъ большой нашъ отрядъ.

Раненый герой держался до тѣхъ поръ, пока къ нему подоспѣли наши.

— Ну теперь и помирать не стыдно,—обрадовался онъ, сдавая оружіе старшему унтеръ-офицеру, заплакалъ и лишился сознанія. Онъ оказался прострѣленнымъ шрапнелью въ четырехъ мѣстахъ.

Ефрейторъ К.

Ефрейторъ К., типичный хохолъ, былъ первый весельчакъ и балагуръ въ ротѣ. Никогда не унывалъ, сыпалъ шутки и на походѣ подъ проливнымъ дождемъ, и въ бою подъ градомъ пуль. На всякій случай у него въ запасѣ имѣлся какой-нибудь смѣшной анекдотъ. Нечего говорить, что онъ былъ любимцемъ не только солдатъ, но и офицеровъ.

И вдругъ, послѣ небольшого боя, пропалъ К. Ни въ числѣ раненыхъ, ни между убитыми его не было. Многіе видѣли его въ началѣ боя, а потомъ какъ въ воду канулъ.

Потужили, погоревали и записали въ графу «пропавшихъ безъ вѣсти».

Прошло два дня. Идутъ наши походнымъ порядкомъ, смотрятъ, а навстрѣчу имъ ефрейторъ К.

Грязный, ободранный, весь въ крови... Еле-еле ногами двигаетъ.

— Ты откуда? Гдѣ пропадалъ?—посыпались вопросы.

— Дайте пить... Потомъ разскажу...—только и могъ проговорить К., и грохнулся на землю.

Ему дали воды и позвали фельдшера, чтобы сдѣлалъ перевязку. Но когда К. раздѣли, всѣ такъ и ахнули...

Все его тѣло было покрыто ранами. Это не были раны отъ ружейныхъ пуль, а что-то другое. Онъ весь былъ точно исколотъ...

Такъ какъ К., потерялъ много крови и былъ очень слабъ, то его не стали тревожить разспросами, а дали время оправиться. Придя въ себя, К. разсказалъ слѣдующее:

— Во время наступленія я былъ на лѣвомъ флангѣ. Тамъ еще кустики были небольшіе. Когда мы были уже недалеко отъ нѣмецкихъ окоповъ, смотрю въ сторонкѣ, совсѣмъ на отлетѣ, нѣмецкій пулеметъ. Стоитъ и стрѣляетъ съ фланга по нашимъ цѣпямъ. «Подожди, нѣмчура проклятая,—думаю,—вы хитры, а мы васъ перехитримъ»... И сталъ я подаваться влѣво такъ, чтобы пулемету въ тылъ зайти. Мѣстность была неровная, бугорки да канавки,—имъ и не видно меня. И такъ я почти въ тылъ имъ вышелъ. До пулемета какихъ-нибудь шаговъ 30 осталось... Прилегъ я въ ямку, чтобы духъ перевести. Дальше уже нужно было ползкомъ идти. Планъ у меня былъ такой: подползти къ пулемету въ тылъ, приколоть навод-

чика и забрать пулеметъ. Около него одинъ человѣкъ всего и былъ...

Передохнулъ, перекрестился и пополз. Пулеметъ стоитъ себѣ и стоитъ. Ползу... Впереди бугорокъ такой, какъ-будто окопъ. Выползъ я на этотъ бугорокъ, да прямо нѣмцамъ и попалъ въ лапы. Вѣдь, вотъ незадача какая!..

За бугоркомъ, на который я выползъ, оказался всамдѣлишній окопъ, а въ немъ цѣлый взводъ нѣмцевъ. Увидѣлъ я ихъ, сунулся было назадъ, да уже поздно было,—замѣтили ироды! Окружили со всѣхъ сторонъ, одинъ прикладомъ меня ударилъ по головѣ. Я и выстрѣлить не успѣлъ,—руки скрутили.

Ну, думаю, пришелъ мой конецъ... И такая обида взяла меня за свою оплошность, что я даже заплакалъ отъ досады...

А нѣмцы гогочутъ, рады, что русскаго въ плѣнъ взяли. Въ это время наши въ атаку пошли. Стали нѣмцы отходить, и меня съ собой повели. Глаза платкомъ мнѣ завязали.

Шли долго, думаю верстъ пятнадцать прошли. Наконецъ, остановились. Глаза мнѣ развязали. Смотрю—кругомъ войска, лагерь ихній. Подошли ко мнѣ два офицера и стали говорить своему солдату что-то, а онъ мнѣ переводитъ:

— Какой ты арміи?—спрашиваютъ.

— Русской,—говорю.

— Кто у тебя начальникъ?

— Запамятовалъ.

— Много-ли у васъ здѣсь войскъ?

— Много, перечесть нельзя...

— Сколько пушекъ?

— И пушекъ много...

И такъ я имъ зря болтаю и болтаю. А они все спрашиваютъ. Наконецъ видя, что толку отъ меня не добиться, офицеры ушли. Меня, какъ собаку, привязали веревкой къ колесу двуколки и поставили часового.

Остался я одинъ, а въ головѣ дума, одна дума—какъ уйти. Часовой сидитъ тутъ-же и глазъ съ меня не спускаетъ... Не выбраться, думаю.

Стало вечерѣть, опять пришли офицеры допрашивать меня.

— Ты,—говорятъ,—русская свинья, съ нами шутки не шути, а говори всю правду... Сколько у васъ войскъ и кто командуетъ ими?

— Я молчу.

— Говори, а то тебѣ плохо будетъ; пытать будемъ...

Помолился я мысленно Николаю Чудотворцу, вспомнилъ великихъ мучениковъ Господнихъ и говорю:

— Я въ вашей власти,—пытайте, но я не скажу вамъ ничего.

Озлились они. Стали кричать на меня,—видно ругаться по своему. Досталъ одинъ изъ солдатъ изъ кармана ножикъ складной, какими банки съ консервами открываютъ, и подходитъ ко мнѣ.

— Будешь говорить, или нѣтъ?

— Я молчу.

— Молчишь! Ну, ладно, сейчасъ ты заговоришь...

Отвязали меня отъ колеса, сняли съ меня все какъ есть, и опять привязали...

— Послѣдній разъ говоримъ,—будешь отвѣчать о чемъ тебя спрашиваютъ?

Молчу я и Богу молюсь.

И вотъ стали они меня колоть ножикомъ. Всадитъ ножикъ до половины, а потомъ рукой по немъ постучитъ, чтобы больнѣй было. Такъ кололи они меня въ грудь, въ спину, въ руки... Потомъ стали гвозди подъ ногти загонять... Это куда больнѣй уколовъ, однако, ничего, терплю... Помучали, помучали они меня, видятъ, что ничего у нихъ не выходитъ,—бросили... Опять остался одинъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Отъ потери крови и отъ голода,—ѣсть они мнѣ ничего не давали,—я ослабѣлъ. Но еще крѣплюсь, думаю о побѣгѣ.

Ночью я задремалъ. Проснулся подъ утро. Въ лагерѣ было тихо,—всѣ спали. Смотрю, и часовой мой спитъ. Запрыгало у меня сердце... Сталъ я Бога просить вызволить меня изъ бѣды...

Прямо чудо,—откуда у меня и силы взялись. Попробовалъ я веревку, которой былъ привязанъ къ двуколкѣ, подается... Я больше,—узелъ и развязался... Видно услышалъ Господь мои молитвы...

Всталъ тихонько, вышелъ за ихъ лагерь и бросился бѣжать. По дорогѣ снялъ съ убитаго шинель и сапоги, одѣлся, хотѣлъ было взять винтовку, да не могу,—руки болятъ. Такъ и дошелъ до своихъ...

— Ну, держись теперь, изверги проклятые, я покажу вамъ, какъ ножикомъ колоть, да гвозди подъ ногти загонять... Только скорѣй бы поправиться.—Закончилъ свой разсказъ К.

Максимъ Кашеваровъ.

Находящійся на излеченіи въ московскомъ Лефортовскомъ госпиталѣ участникъ боевъ подъ Сталупеномъ, поручикъ Л., разсказываетъ о геройскомъ подвигѣ нижняго чина пулеметной роты Максима Кашеварова. Среди чиновъ пулеметной команды разорвалась нѣмецкая граната. Кашеварову оторвало ногу. Понимая, что онъ, какъ наводчикъ, очень нуженъ, Кашеваровъ потребовалъ, чтобы ему сдѣлали перевязку тутъ же на позиціи. Отправиться на перевязочный пунктъ въ лазаретъ онъ отказался, и безъ ноги, истекая кровью, остался на своемъ посту до конца боя, внося меткой стрѣльбой изъ пулеметовъ опустошеніе въ нѣмецкихъ войскахъ. Я былъ очевидцемъ,— говоритъ поручикъ Л.,—какъ градомъ пуль, сыпавшихся изъ пулемета изувѣченнаго Кашеварова и его товарищей, былъ сметенъ цѣлый нѣмецкій полкъ.

На галиційскомъ фронтѣ.

Въ одной изъ городскихъ больницъ находится на излеченіи тяжело раненый нижній чинъ, который принималъ участіе въ битвахъ на галиційскомъ фронтѣ.

Солдатикъ передаетъ ужасные подробности разстрѣла на его глазахъ нашего раненаго австрійцами.

— Было дѣло уже подъ разсвѣтъ, разсказываетъ онъ, наши хотѣли брать ихъ, т. е. австріяковъ изъ окоповъ. Ихъ артиллерія стрѣляетъ по насъ.

Мы въ штыки ихъ успѣли принять. Они оробѣли, бѣгутъ отъ штыка.

Побили мы ихъ, а тутъ имъ подмога. Мы цѣпью разбились. Я какъ-то отбился и попалъ подъ артиллерійскій огонь.

Тутъ меня въ ногу ударило, я и упалъ, всѣ чувства потерялъ.

Очнулся,--уже свѣтаетъ, кругомъ никого, только тѣла лежатъ.

Вдали кто-то стонетъ.

Думаю надо впередъ ползти. Осмотрѣлся,—понялъ, гдѣ наши. Тутъ кусточки небольшіе... Болотце съ кочками.

Я ползу и вижу, какъ двое австрійскихъ солдать въ своихъ синихъ камзолахъ на полянѣ показались.

Я что силы до кустовъ сталъ добираться, чтобы схорониться.

Только до кустовъ доползъ, какъ неподалеку австріяки.

Я изъ кустовъ выглянулъ, они надъ нашимъ наклонились, тормошатъ его.

Нашъ-то раненый былъ, и не могъ совсѣмъ двигаться.

Вижу, молодое лицо, безъ бороды, все въ крови.

Они его за плечи подняли и кричатъ на него какъ-то по своему.

Онъ молчитъ и рукой отмахивается.

Вдругъ слышу польскія слова: я по-польски немножко смекаю.

Кричатъ они на него, чтобы нашъ имъ сказалъ, какой онъ части и гдѣ его часть главную стоянку имѣетъ?

— Не знаю и ничего не скажу,—твердо закричалъ онъ.

Они опять къ нему съ тѣмъ же вопросомъ. Онъ молчитъ.

Они револьверы вытащили, его по головѣ ударяютъ.

— Говоримъ тебѣ въ послѣдній разъ, скажи, гдѣ ваши стоятъ?

— Ничего не знаю и молчать желаю,—опять кричитъ онъ, а у самого въ крикѣ такъ боль и слышна. Страданія большія.

Тутъ одинъ изъ нихъ его подтащилъ къ копнѣ, укрѣпилъ такъ, что онъ сидячимъ оказался.

Они отошли и опять заговорили по свойски, а потомъ направили револьверы и давай палить.

Какъ нашъ увидѣлъ, что ему сейчасъ конецъ, перекрестился и на нихъ уставился. Такъ и померъ сердешный.

А австрійцы обыскали его и ушли.

Я лежу, хоронюсь. Слезы такъ и льются. А чѣмъ я могъ помочь ему: ружье потерялъ.

Отъ того, что я видѣлъ, у меня голова кругомъ пошла, и лишился я чувствъ.

Очнулся, наши казаки меня везутъ.

Царствіе небесное тому мученику, а молодецки померъ, не осрамилъ земли русской. Не зналъ сердешный, что я видѣлъ его геройство, и помочь не могъ ему.

Шесть сутокъ на посту.

При движеніи обоза Сибирской артиллерійской бригады, въ перестрѣлкѣ съ германскимъ разъѣздомъ, былъ убитъ караульный начальникъ. Бомбардиръ Иванъ Поповъ, стоявшій часовымъ у денежнаго ящика, въ теченіе шести сутокъ оставался на посту, ослабѣлъ, но никому денежнаго ящика не сдалъ, и смѣнился лишь по повелѣнію Государя Императора, переданному по телеграфу. Вотъ что значитъ строгое исполненіе дисциплины.

ПРЕДАННОСТЬ ДѢЛУ.

Разсказъ раненаго солдата.

Боевое дѣло, о которомъ разсказываетъ молодой солдатъ, уроженецъ Тамбовской губерніи, раненый въ плечо и руку, происходило подъ Люблиномъ.

— Подняли насъ чуть свѣтъ,—говоритъ солдатикъ,—и объявили, что въ деревнѣ за рѣкой непріятель, и что намъ приказано выбить его оттуда. Нашъ полкъ приготовился, подтянулись, перекрестились и выступили въ походъ.

Пройдя версты три, мы вступили въ лѣсокъ, за которымъ лежала деревня, а передъ ней протекаетъ рѣчка. Осторожно пробираясь дальше по лѣсу, вышли мы на рѣку, у которой стоитъ деревня, а кругомъ тихо, точно всѣ жители куда-то спрятались.

Но видно и непріятель не дремалъ. Вдругъ невдалекѣ что-то бухнуло, и пошла стрѣльба. Австрійцы, завидя насъ, открыли стрѣльбу шрапнелью. Снаряды, шипя летятъ надъ нашими головами и разрываются гдѣ-то сзади. Всѣ невольно наклоняли головы. А рядомъ мой сосѣдъ все время выкрикиваетъ:

«перелетъ»! «недолетъ»! «опять перелетъ»! и вдругъ стало какъ-то легко на душѣ, страхъ самъ собой пропалъ, идешь себѣ, какъ будто-бы и не въ бой. Вслѣдъ за шрапнелью затрещали непріятельскіе пулеметы, и градъ пуль посыпался на наши головы. Среди насъ появились раненые.

Взводный приказалъ идти вбродъ черезъ рѣчку, а непріятель такъ и сыплетъ изъ пулеметовъ, точно горохомъ. Кое-какъ, по колѣно въ водѣ, перебрались, разсыпались цѣпью и залегли. По командѣ открыли огонь залпами. Передъ нами, шагахъ въ 500, стояла часовня, въ ней-то и засѣли двѣ роты австрійцевъ, которыхъ намъ предстояло выбить оттуда. Немного времени спустя, намъ на помощь подоспѣли наши пулеметы, и въ свою очередь открыли огонь по непріятелю. Скоро пулеметы австрійцевъ замолчали, а мы вскочили на ноги да съ крикомъ «ура» въ штыки. Много народу перебили и перекололи. Штыковъ они боятся ужасно, и какъ только увидятъ, что на нихъ идутъ въ штыки, сейчасъ же бѣгутъ. Окружили мы ихъ, и давай забирать въ плѣнъ. Одни сдаются сразу, а другіе еще отстрѣливаются. Въ это время съ нашимъ ротнымъ что-то случилось. Подбѣжавъ къ нему, я увидѣлъ, что онъ раненъ въ ногу, силится встать, чтобы идти, но не можетъ: пуля пробила ему кость. «Братцы, говоритъ онъ, не выдавай! Бей ихъ проклятыхъ»! Мнѣ стало жаль ротнаго командира. Поднялъ я его, взвалилъ на плечи, и отнесъ въ укромный уголокъ, да тамъ и оставилъ. Думаю, потомъ приду, а самъ побѣжалъ обратно къ своимъ. Тутъ меня и ранили въ плечо. Сперва почувствовалъ, какъ будто меня чѣмъ-то ударило, а потомъ показалась кровь. Перевязавъ кое-какъ рану, я снова пошелъ впередъ, но вторая пуля ударила меня въ кисть руки и оторвала палецъ. Отъ сильной боли я упалъ, и потерялъ сознаніе. Очнулся уже на перевязочномъ пунктѣ, смотрю, а рядомъ со мной лежитъ мой товарищъ по полку. У него тоже ранена рука, его ранилъ какой-то житель изъ этой же деревни, когда наши стали уходить обратно на мѣсто прежней стоянки. Потомъ ужъ я узналъ, по разсказамъ приходившихъ, что въ этомъ дѣлѣ наши очень отличились, взявъ въ плѣнъ два пулемета, австрійское знамя и много непріятельскихъ солдатъ.

А теперь бы скорѣй поправиться, да опять туда на мѣсто, а то ужъ очень скучно лежать и думать, какъ воюютъ тамъ

товарищи и земляки, а здѣсь приходится убивать напрасно время... Какъ-то неловко...

Фельдфебель—дипломатъ.

Каждый день, каждое столкновеніе съ непріятелемъ родитъ героевъ. На одной изъ позицій отличился фельдфебель Бѣлевскаго полка Семенъ Дергачъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ австрійцами и обезоруженъ, однако отъ этого Дергачъ не растерялся. Офицеръ отряда оказался славянинъ. Фельдфебель съ нимъ разговорился, разсказалъ объ успѣхахъ русскаго войска, о томъ, что русскіе прекрасно обращаются съ плѣнными, особенно съ славянами. Дергачъ долго убѣждалъ австрійскаго офицера, наконецъ уговорилъ его сдаться и пойти въ плѣнъ. Каково было изумленіе нашихъ, когда фельдфебель привелъ за собой отрядъ плѣнныхъ до 100 человѣкъ, да и еще во главѣ съ офицеромъ. Дергачъ награжденъ Георгіемъ.

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ.

Какъ умираютъ герои.

Офицеръ N-скаго полка, участникъ одного изъ послѣднихъ сраженій, разсказываетъ слѣдующій случай геройской смерти нашего солдата. Было жаркое дѣло. Кругомъ насъ разрывались шрапнели... Рядомъ со мной шелъ солдатикъ С.—общій любимецъ. Это былъ рѣдкой души человѣкъ, веселый, находчивый, неудержимо храбрый. Всегда рвался впередъ. Я его не разъ предупреждалъ объ опасности. Такъ было и въ этотъ роковой день. С. громко смѣялся надъ мѣткостью врага. Вдругъ я вижу, онъ какъ-то странно опускается на землю. «Ты раненъ»?.. спросилъ я его. «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ мнѣ едва слышно:—я убитъ». И умеръ.

* * *

Въ числѣ раненыхъ послѣдняго транспорта есть нѣсколько очевидцевъ исключительнаго по красотѣ величія духа случая.

Доставленные солдатики разсказываютъ:

— Лежимъ мы въ окопахъ подъ страшнымъ огнемъ. Шрапнель, какъ горохъ, разсыпается. Тутъ же около насъ санитары дожидаются. Мы отстрѣливаемся, а санитары безъ оружія, цыгарки покуриваютъ, въ ожиданіи нести раненыхъ.

Среди насъ одинъ татаринъ находился, Ибрагимомъ звали, фамилія мудреная.

Молодой, веселый,—изъ торговцевъ взяли.

Только онъ приподнялся, какъ его въ шею хватило, около уха. Весь кровью облился.

Къ нему санитары бѣгутъ.

— На перевязку иди!—говорятъ ему.

А онъ сразу серьезный такой сталъ, и громко говоритъ:

— Не мѣшай. Оставь! Къ намъ смерть пришла.

На него смотрятъ, а онъ отошелъ въ сторону, легъ на землю, ружье въ рукахъ крѣпко зажалъ. Ружье къ себѣ на грудь положилъ, вздохнулъ и... померъ сердешный. Санитары ужъ трупъ понесли.

Мы по немъ плакали, и сразу въ бой пошли, чтобы душа Ибрагима порадовалась...

НАХОДЧИВОСТЬ.

Рядовой Сидоровъ.

Рядовой Сидоровъ, производя ночью развѣдку, такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ очутился въ раіонѣ непріятельскихъ позицій и попалъ къ нѣмцамъ въ плѣнъ.

На вопросъ нѣмцевъ: зачѣмъ онъ къ нимъ пришелъ? Сидоровъ отвѣтилъ, что ему надоѣло сидѣть въ окопахъ, и онъ предпочелъ сдаться въ плѣнъ.

— Не я одинъ принялъ, впрочемъ, такое рѣшеніе,—продолжалъ Сидоровъ.—Моему примѣру послѣдовали еще пять нашихъ солдатъ, но они боятся прійти сюда, чтобы ихъ не

убили. Если хотите, я пойду съ вами, и мы ихъ приведемъ. Нѣмцы, разумѣется, согласились, и Сидоровъ, въ сопровожденіи шести непріятельскихъ солдатъ, отправился за своими товарищами. Дорогой плѣнный сталъ разсказывать конвоировавшимъ его нѣмцамъ:

— Если товарищи мои увидятъ, что васъ такъ много, то они испугаются, и прежде чѣмъ мы успѣемъ объяснить имъ, въ чемъ дѣло, они могутъ убѣжать.

Рѣшено было, что плѣннаго поведетъ одинъ только нѣмецъ, а остальные пять будутъ ихъ дожидаться въ отдаленіи.

Когда Сидоровъ отошелъ съ сопровождавшимъ его нѣмцемъ на такое разстояніе, что ихъ не стало видно, онъ быстро оглушилъ послѣдняго ударомъ кулака, вырвалъ у него винтовку и привелъ его въ качествѣ плѣннаго на наши позиціи.

Плѣнный беретъ въ плѣнъ.

Лица, прибывшія изъ Петрокова, разсказываютъ, что нѣмецкому уланскому разъѣзду, во время схватки съ казаками, удалось захватить въ плѣнъ одного изъ казаковъ, котораго придавила, падая споткнувшаяся лошадь. Плѣнника уланы привели въ Петроковъ къ начальнику отряда. Когда нѣмцы узнали о плѣненіи казака, они со всѣхъ сторонъ сбѣжались къ мѣсту, гдѣ допрашивали плѣннаго. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на страшнаго врага, одно имя котораго приводитъ въ ужасъ нѣмцевъ.

Поборовъ робость, сначала офицеры, а затѣмъ и солдаты, приблизились вплотную къ казаку, ощупывали его и казачью лошадь, о рѣзвости которой они такъ много слышали. Одинъ изъ смѣльчаковъ, нѣмецкій офицеръ, пожелалъ испытать лошадь казака и сѣлъ на нее; но несмотря на понуканія, удары и шпоры, казачій конь не двинулся съ мѣста. Тогда плѣнный казакъ знаками предложилъ офицеру сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на лошадь. Сознавая полную безопасность, въ виду того, что кругомъ были сотни германскихъ солдатъ, офицеръ позволилъ казаку сѣсть сзади него на лошадь. Однимъ прыжкомъ вскочивъ на крупъ, казакъ гикнулъ, и стоявшій какъ вкопанный конь стрѣлой понесся съ двумя сѣдоками по

улицѣ, направляясь за городъ. Казакъ, схвативъ рукой горло офицера, прижалъ его голову къ себѣ къ груди и, вынувъ у него изъ кобуры его собственный револьверъ, пригрозилъ имъ ошалѣвшему нѣмцу, и погналъ лошадь впередъ. Нѣмецкія заставы, видя на конѣ своего офицера, а за нимъ солдата, пропустили ихъ, не понявъ криковъ гнавшейся толпы солдатъ, которые не стрѣляли, боясь убить вмѣстѣ съ казакомъ и своего офицера. На городской заставѣ казакъ выпустилъ пять пуль въ конную уланскую заставу и прекратилъ этимъ ближайшую погоню.

ТЕРПѢНІЕ и ВЫНОСЛИВОСТЬ.

Наши за Карпатами.

Наши лихіе казаки-донцы, неся тяжелую развѣдочную службу впереди и на флангахъ нашихъ армій, пробрались на отроги Карпатскаго хребта.

Здоровыя, коренастыя лошадки быстро освоились съ горными тропинками, и наши казаки-донцы забрались даже въ самые захолустные уголки горнаго хребта и побывали на вершинахъ горъ и на плоскогорьяхъ, гдѣ на нихъ съ изумленіемъ глядѣли горцы-галичане, не представлявшіе даже, что кавалерія можетъ когда-либо появиться въ такихъ, мало доступныхъ мѣстахъ.

Обходя пустынныя горныя дороги и тропинки, наши донцы не встрѣчали австрійскихъ войскъ, не рѣшившихся забираться въ горныя ущелья и поспѣшно отступившихъ къ Кракову, въ надеждѣ на помощь со стороны Германіи.

Австрійцы возлагали большія надежды на Карпатскія горы: думали, что эти гиганты надолго задержатъ нашу армію, такъ что они успѣютъ стянуть сюда въ достаточномъ количествѣ всякаго рода войска. Впрочемъ, такъ думали не одни австрійцы, потѣшали себя надеждами на русскую задержку и германцы. Вышло наоборотъ. Русскій солдатъ помнитъ стародавнюю пословицу: «хоть тресни, да полѣзай», и полѣзли

наши молодцы по Карпатамъ, съ военными пѣснями, да прибаутками. Правда, переходъ былъ трудный, да ничего, перешли и задали жару.

По-товарищески.

Одинъ изъ прибывшихъ съ театра войны солдатъ разсказываетъ слѣдующій интересный случай, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ боевъ въ Восточной Пруссіи.

— Наша рота все время обстрѣливала непріятеля, вышла на небольшую полянку, поросшую низкимъ, молодымъ лѣскомъ.

Перестрѣлка не умолкала ни на минуту.

Вдругъ одинъ изъ моихъ товарищей, все время державшійся около меня на разстояніи 1—2 шаговъ, какъ-то сразу выбросился всѣмъ корпусомъ впередъ, вытянувшись во весь ростъ, быстро рухнулъ на спину.

Вся его грудь сразу окрасилась кровью.

Я бросился къ нему, но почувствовалъ въ этотъ моментъ сильный ожогъ всего тѣла, и передъ глазами все у меня затуманилось...

Когда я очнулся, вокругъ царила полная тишина. Надо мной разстилалось голубое небо, и только тупая, ноющая боль во всемъ тѣлѣ вернула меня къ печальной дѣйствительности.

У меня оказалась прострѣленной нога выше колѣна.

Съ трудомъ поднявшись на колѣни, я увидѣлъ рядомъ съ собой моего товарища безъ чувствъ.

У него было навылетъ прострѣлено горло.

Кое-какъ перевязалъ я его рану.

Я рѣшилъ добраться до санитарнаго пункта, до котораго было, по моимъ расчетамъ, не менѣе пяти верстъ.

Съ большимъ трудомъ поставивъ на ноги моего товарища, я отправился съ нимъ въ путь.

Каждый шагъ стоилъ намъ страшныхъ усилій.

Такъ протащились мы нѣсколько десятковъ сажень.

Вдругъ, когда мы свернули за уголъ небольшого лѣска, увидѣли прусскаго солдата, который, припавъ на одно колѣно, цѣлился въ насъ изъ винтовки...

Неожиданное появленіе врага меня ошеломило.

А пруссакъ все цѣлился, еще моментъ и онъ выстрѣлитъ.

Тогда я, быстро приставивъ полуживого товарища къ стволу дерева, поднялъ винтовку, прицѣлился и выстрѣлилъ. Пруссакъ не шелохнулся—значитъ я промахнулся.

Я ждалъ выстрѣла пруссака, но его не послѣдовало.

Это меня удивило: я больше не стрѣлялъ.

Прошло нѣсколько секундъ, пруссакъ все цѣлится.

Тогда, взявъ ружье на перевѣсъ, я бросился къ нему.

Пруссакъ былъ попрежнему недвижимъ.

Онъ оказался мертвымъ.

Русская пуля сразила его въ тотъ моментъ, когда онъ цѣлился въ меня.

Припавъ прострѣленной головой къ дулу ружья, онъ такъ и застылъ въ этой позѣ.

Я развернулъ его скатанную черезъ плечо шинель, положилъ врага на землю и, накрывъ его шинелью, пошелъ къ изнемогавшему отъ раны товарищу.

Мы побрели дальше. Черезъ нѣсколько часовъ были у своихъ.

Въ лазаретѣ.

Приведемъ нѣсколько фактовъ, рисующихъ поразительную терпѣливость русскаго солдата.

Во время трудной промывки шрапнельной раны съ раздробленіемъ кости въ ступнѣ, раненый солдатъ вдругъ проясняетъ хмурое лицо, силясь отдать честь принесенному для перевязки ротному командиру.

— Здравія желаю, ваше высокородіе! Ротный отвѣчаетъ слабой, но привѣтливой улыбкой.

— А... Кульженко... здорово, братецъ, вотъ гдѣ пришлось встрѣтиться.

— Слава Богу, что пришлось, ваше-скородіе. Кабы только скорѣй оправиться да опять противъ него пойти...

Глаза у Кульженки разгораются, онъ не слышитъ, какъ сестра милосердія срываетъ марлю, и кровь хлынула у него изъ обнаженной глубокой раны. Кульженко какъ будто и не видитъ этого. Онъ живетъ инымъ чувствомъ.

— А поручикъ нашъ не дюже раненъ, будутъ жить,— радостно докладываетъ онъ отцу-командиру.

— Какъ не дюже? Я слышалъ—рана очень опасная,— удивляется капитанъ.

— Никакъ нѣтъ... пуля у нихъ счастливо прошла въ животъ на вылетъ, и кости не задѣла...

На взглядъ солдатъ всякая рана, въ которой пуля кости не задѣла, пустячная.

Въ особенности терпѣливы малороссы.

Перевязываютъ въ лазаретѣ руку австрійцу, тотъ кричитъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а рядовой Кукуруза съ раздробленной ключицей укоряетъ австрійца:

— Та чого ты такъ крычышь, якъ порося ризанэ? Доходитъ очередь и до Кукурузы.

Онъ со стойкимъ терпѣніемъ выноситъ острую боль, при удаленіи раздробленной кости.

— Вѣдь тебѣ же больно?—удивляется врачъ и сестра милосердія.

Кукуруза кротко киваетъ головой на австрійца:

— Тожъ винъ и за сэбэ и за мэнэ выкричався...

Ноги перебиты-руки есть.

Въ одномъ изъ боевъ снарядъ разорвался какъ разъ около орудійнаго колеса, орудіе на нѣсколько минутъ замолкло.

— Вы что не стрѣляете?—крикнулъ руководившій стрѣльбой офицеръ.

— Чичасъ, ваше благородіе.

Оказалось, изъ трехъ человѣкъ орудійной прислуги одинъ былъ убитъ, у другого перебиты ноги и контужена голова, третій свалился отъ пули, скользнувшей по черепу и сорвавшей кожу. Отвѣтилъ офицеру этотъ третій. Въ первый моментъ ошеломленный ударомъ по головѣ, онъ свалился, затѣмъ вскочилъ съ лицомъ, залитымъ кровью, и крикнулъ своимъ товарищамъ: «ни черта, братцы, цѣлъ», и вслѣдъ затѣмъ орудіе загрохотало вновь.

Контуженный и съ перебитыми ногами лежалъ вблизи

орудія, и превозмогая адскую боль отъ перебитыхъ ногъ, уцѣлѣвшими руками ставилъ дистанціонныя трубки.

— Ноги перебиты—такъ руки есть,—сказалъ онъ наводчику, уговаривавшему его лежать смирно.

Раненый въ голову не ушелъ на перевязку до 10 часовъ вечера, да и вечеромъ явился на перевязочный пунктъ только по приказанію офицера. А дня черезъ три, разматывая на головѣ повязку, самъ выдавилъ изъ раны какой-то осколокъ и подалъ доктору со словами: «а у меня, ваше благородіе, осколокъ гранаты въ головѣ завязъ».

РЕЛИГІОЗНОЕ ЧУВСТВО.

Съ молитвою въ бой.

— Зададимъ мы «ему», только бы добраться, говоритъ совсѣмъ молодой солдатъ, что-то разсказывающій санитарамъ.

— А тебѣ не страшно?

— Чего страшно—отвѣтилъ онъ священнику. — Я уже четыре раза въ бою былъ, и Богъ миловалъ—цѣлъ остался. Сегодня вотъ тутъ по дѣламъ, а завтра опять на позицію. Я всегда иду спокойно. Мой отецъ тоже солдатъ: онъ на турокъ ходилъ, и всегда у него на груди молитва была. Онъ ее читалъ передъ боемъ и пришелъ невредимымъ, а въ какихъ только дѣлахъ не бывалъ. Когда меня забрали на войну, онъ снялъ съ божницы эту молитву, благословилъ меня и велѣлъ завсегда читать, когда дѣло начинается.

— Какъ прочитаю я эту молитву, такъ и иду себѣ свободно—страху у меня никакого нѣтъ, и на душѣ легко.

* * *

Молодой бравый фельдфебель уложенъ на лазаретную койку нѣмецкой пулей, засѣвшей въ ногѣ. Страдать долженъ, по словамъ докторовъ, очень сильно, но очень бодрится и

охотно разсказываетъ, за что получилъ три Георгія, сіяющихъ у него на груди.

— Далъ бы Богъ поскорѣе поправиться да заслужить и четвертаго; я и женѣ отписалъ, что три уже есть, а надо быть всѣмъ четыремъ. Молюсь Николаю Угоднику, — жена образкомъ благословила.

На груди у героя довольно большой медальонъ св. Николая Чудотворца со слѣдующей надписью: «Иди, дорогой, крѣпко защищай Родину, Царя-Батюшку и честь Великой Россіи. Защитникъ тебѣ—угодникъ Божій, а я твоя молитвенница».

ВЕЛИКОДУШІЕ И СОСТРАДАТЕЛЬНОСТЬ.

Они и мы.

Поглядите, каковъ казакъ, этотъ грозный вояка, когда стихаетъ битва. Онъ послѣ битвы, бывшаго своего врага и напоитъ и накормитъ, и раненому сдѣлаетъ перевязку, когда тотъ попадется въ плѣнъ. Съ раненымъ плѣннымъ дѣлится послѣдней водою изъ своей баклажки. Можетъ быть, черезъ часъ вода ему самому нужна будетъ, когда появится нестерпимая жажда, но онъ объ этомъ не думаетъ. Одно знаетъ, по своей безграничной добротѣ, что въ нуждѣ и врага надо выручить.

* * *

Раненые русскіе солдаты дѣлятся съ ранеными нѣмцами, находящимися у насъ въ плѣну, хлѣбомъ и другой пищей. Часто бываетъ, что легко раненый солдатъ, заботясь о тяжело раненомъ врагѣ, отдаетъ ему свою шинель на ночь. Мирныхъ жителей побѣжденныхъ мѣстностей они никогда не трогаютъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, ихъ даже охра-

няютъ. Въ одной деревнѣ, при проходѣ черезъ нее русскаго отряда, изъ одной хаты особенно ожесточенно стрѣляли въ русскихъ солдатъ; командиръ отряда велѣлъ сжечь избу. Солдатъ, посланный для исполненія этого приказа, черезъ нѣсколько времени возвращается обратно.

— Никакъ невозможно это исполнить, ваше благородіе, докладываетъ онъ командиру.

— Какъ нельзя?

— Да тамъ въ хатѣ есть малыя дѣти.

— Правильно,—отвѣтилъ командиръ.

* *
*

Какъ-то на одной изъ развѣдокъ въ Галиціи нашъ казакъ взялъ въ плѣнъ раненаго нѣмца, и что-же онъ дѣлаетъ съ нимъ? Онъ не погналъ ослабѣвшаго отъ раны непріятеля за своей лошадью, а слѣзъ съ своего коня и усадилъ раненаго въ сѣдло, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Можно ли встрѣтить что-либо подобное между германцами и австрійцами? Тамъ, напротивъ, нашихъ плѣнныхъ раненыхъ звѣрски мучаютъ, а чаще всего убиваютъ, когда раненаго еще можно было бы вылечить.

* *
*

Свѣтлымъ примѣромъ того, какъ относятся въ Россіи къ плѣннымъ нѣмцамъ, можетъ служить слѣдующая сценка въ вагонѣ, описанная очевидцемъ.

Поѣздъ, въ которомъ помѣщался плѣнный нѣмецкій солдатъ, подошелъ къ станціи. Черезъ минуту вагонъ былъ полонъ солдатами, которые, толкая другъ друга, старались пробраться поближе къ германцу. Они съ любопытствомъ осматривали его, трогали сапоги, пробовали наощупь тужурку, и удивлялись хорошему качеству матеріала. Затѣмъ они стали совать нѣмцу въ руку: кто вязку баранокъ, кто булку, кто папиросы. А одинъ сунулъ ему въ руку послѣдній рубль. «Возьми, братецъ, тебѣ въ плѣну пригодится». И тутъ-же, поглядывая на своихъ товарищей, какъ-бы въ оправданіе своего отношенія къ нѣмцу, проговорилъ: «что-жъ, братцы, онъ хошъ и нѣмецъ, а все-таки защитникъ своего отечества».

* *
*

— Въ одномъ вагонѣ со мной везли военно-плѣннаго нѣмца изъ резервныхъ войскъ, разсказываетъ одинъ полковникъ.

Нѣмецъ не имѣлъ ни копѣйки денегъ.

Я предложилъ ему 25 руб., которые онъ принялъ съ благодарностью.

Во время одного изъ сраженій мои солдаты взяли въ плѣнъ германскаго офицера.

Они накормили его и обращались съ нимъ какъ съ своимъ.

Въ благодарность нѣмецъ подарилъ одному изъ солдатъ свой бинокль...

* * *

Казачій отрядъ въѣхалъ въ одну нѣмецкую деревню, жители которой, охваченные паническимъ страхомъ, бѣжали, побросавъ не только свое имущество, но и больного мальчика. Казаки, столь грозные и нещадные въ бою, удивительно мягки сердцемъ въ мирное время. Увидя брошеннаго нѣмецкаго ребенка, подобрали его, устроили ему постель на своихъ сѣдлахъ, и бережно доставили въ госпиталь.

ДОБРЫЯ ОТНОШЕНІЯ СОЛДАТЪ

МЕЖДУ СОБОЮ и КЪ ОФИЦЕРАМЪ.

Русь именитая, Русь Святая.

Между офицерами и нижними чинами и въ эту войну, какъ и въ прежнее время, установились чрезвычайно тѣсныя отношенія, отличающіяся взаимной заботой и вниманіемъ. Я слышалъ, разсказываетъ одинъ изъ офицеровъ, что въ пѣхотныхъ частяхъ во время стрѣльбы изъ окоповъ, солдаты чуть не силою уводятъ офицеровъ, наблюдающихъ за стрѣльбой, въ закрытіе и настойчиво упрашиваютъ не рисковать собой. Самъ я въ своихъ частяхъ наблюдалъ отношенія такого же характера: развѣдчики солдаты, съ которыми мнѣ приходилось ходить на развѣдку, даже въ случаѣ приказанія оставаться на мѣстѣ, никогда не отпускали меня одного, и я всегда видѣлъ, что за мною на близкомъ разстояніи слѣдуетъ одинъ изъ нихъ. При остановкѣ на ночлегъ, когда дѣлаешь распоряженіе относительно розысковъ сѣна и овса, сейчасъ же слышишь вопросъ: «а гдѣ прикажете устроить помѣщеніе для г. г. офицеровъ?»

Сами нижніе чины прекрасно приспособляются и недурно устраиваются, часто удивляютъ смѣтливостью. Какъ-то нашли брошенные жителями брезенты, немедленно изъ нихъ солдаты накроили себѣ непромокаемые плащи.

На стоянкахъ съ сердечнымъ вниманіемъ солдаты приносятъ офицерамъ то яйца, то какую-нибудь пернатую живность, и настойчиво просятъ взять. Когда имъ говорятъ, что нужно имъ самимъ, обычно отвѣчаютъ: «у насъ есть, мы справимся».

* * *

Добродушіе и совершенно безкорыстное благородство русскаго солдата превосходитъ все, что только можно себѣ представить.

Вотъ эпизодъ, нѣсколько курьезный и въ сущности незначительный, но полный необычайной красоты самопожертвованія.

Во время самой горячей перестрѣлки одинъ изъ солдатъ принесъ офицеру, залегшему въ окопахъ съ солдатами, жареную курицу.

Курицу солдатъ самъ, безъ всякой просьбы офицера, раздобылъ въ деревушкѣ близъ мѣста сраженія и пронесъ по открытой мѣстности къ окопамъ подъ градомъ пуль и снарядовъ.

— Ѣшь, ваше благородіе,—говоритъ,—небось проголодался, промаялся сердечный...

Ни одинъ раненый офицеръ не оставляется солдатами безъ помощи.

Сплошь и рядомъ сами тяжело раненые солдаты несутъ офицера подъ огнемъ на перевязочный пунктъ.

«Милый», «родной нашъ», «касатикъ»,—вотъ какими ласковыми словами сопровождаютъ солдаты во время боя свои обращенія къ офицерамъ.

Стрѣлокъ Василій Захаровъ.

Въ одномъ изъ стрѣлковыхъ полковъ во время труднаго боя подъ Варшавой, былъ убитъ 5 октября прапорщикъ Н. В. А.

Денщикъ его Василій Захаровъ, подъ выстрѣлами вынесъ тѣло своего павшаго командира съ мѣста боя.

Не ограничиваясь этимъ, онъ совершилъ и другой подвигъ,—подвигъ гражданской доблести и высокаго воинскаго духа.

Помнилъ онъ просьбу отца павшаго офицера, обращенную къ нему при выступленіи полка: «смотри, Василій, сына привези живымъ или мертвымъ», и вотъ слова эти денщикъ истолковалъ въ своемъ чистомъ сердцѣ, какъ прямой долгъ свой и святую обязанность.

Доложивъ командиру полка, что его барина тутъ хоронить нельзя и что онъ долженъ везти его къ родителямъ въ Петроградъ, Василій Захаровъ получилъ разрѣшеніе везти тѣло. Завернувъ своего офицера въ шинель, онъ довезъ его

до Варшавы гдѣ безъ всякихъ средствъ, буквально безъ гроша въ карманѣ и дѣйствуя лишь силою своего убѣжденія, послѣ долгихъ хлопотъ и затрудненій, добылъ свинцовый гробъ и доставилъ тѣло въ Петроградъ къ родителямъ.

Трудно выразить словами чувство родителей къ преданному слугѣ.

Высшее начальство стрѣлка уже рѣшило должнымъ образомъ отмѣтить подвигъ Василія Захарова, а сослуживцы отца павшаго героя,—офицеры топографы, при погребеніи тѣла, поднесли стрѣлку часы съ выгравированной на обоихъ крышкахъ надписью.

Казакъ спасаетъ раненаго офицера.

Доставленные въ Петроградъ раненые съ австрійскихъ полей, передаютъ интересный разсказъ о подвигѣ казака Гумилова.

Казакъ принималъ участіе въ сраженіи подъ Львовомъ.

Вмѣстѣ съ тремя товарищами онъ въѣхалъ въ лѣсокъ, откуда они съ гикомъ выгнали и прикололи семерыхъ засѣвшихъ австрійскихъ кавалеристовъ.

Гумиловъ увлекся и выѣхалъ на опушку лѣса.

Передъ нимъ открывалась полянка.

Онъ видитъ, что передъ нимъ четыре австрійца спѣшились съ лошадей и возятся около лежащаго, повидимому, безъ сознанія юноши.

Двое приподняли его и начали обыскивать.

Лихо гикнулъ казакъ, и съ пикой на перевѣсъ полетѣлъ на австрійцевъ.

Двое изъ нихъ успѣли дать залпъ изъ револьвера. Одна пуля сбила фуражку съ храбреца, который сильнымъ ударомъ пики сразу убилъ двоихъ, а шашкой ранилъ смертельно третьяго. Четвертый предпочелъ бѣжать. Гумиловъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ юношѣ. Оказался русскій офицеръ. Кровь шла изъ груди.

Какъ малаго ребенка, казакъ положилъ на свое сѣдло раненаго, и вмѣстѣ съ нимъ помчался обратно къ своимъ. И

уже было пора: на полянкѣ затрещали ружейные выстрѣлы и ударили двѣ шрапнели.

Генералъ Самсоновъ и раненый.

Генералъ А. В. Самсоновъ, находясь въ траншеяхъ во время боя, увидѣлъ только что раненаго въ ногу солдата, почти рядомъ съ нимъ. Генералъ собственноручно сдѣлалъ ему перевязку и затѣмъ, уложивъ его, сказалъ: «ну, теперь лежи смирно».—«Что-же, ваше превосходительство, я долженъ лежать теперя, какъ малое дитя».—Да,—сказалъ генералъ,—а чтобы тебѣ не было скучно, возьми соску»,—и, вынувъ изъ портсигара нѣсколько папиросъ, подалъ раненому.

Трубачъ.

Во время кавалерійской атаки одинъ трубачъ находился вблизи командира полка. Онъ замѣтилъ, что три австрійскихъ солдата подкрадываются сзади къ командиру, чтобы убить его, и привести русскій полкъ въ замѣшательство. Трубачъ выхватилъ шашку, бросился и сильнымъ ударомъ отрубилъ руку одному, ранилъ другого въ щеку и ухо, а третій обратился въ бѣгство, и смѣшался съ рядами непріятеля.

Рядовой Давидъ Выжимокъ.

22-го августа, при осмотрѣ санитарнаго поѣзда, Верховный Главнокомандующій соизволилъ пожаловать рядовому Давиду Выжимокъ, изъ крестьянъ Полтавской губерніи, Георгіевскій крестъ 4 степени. Выжимокъ состоялъ вѣстовымъ у гусарскаго офицера, тяжело раненаго въ голову въ бою съ германскими войсками и оставленнаго на полѣ сраженія при отходѣ гусаръ. Подъ сильнымъ огнемъ Выжимокъ розыскалъ своего офицера, и скрываясь подъ мостами и въ

канавахъ отъ непріятельскихъ дозоровъ, несъ на себѣ офицера на протяженіи шести верстъ.

* * *

Подполковникъ В. Я. Михайловъ тяжело раненъ въ бокъ и грудь. Въ теченіе пяти часовъ ему пришлось скрываться отъ непріятеля въ канавѣ.

Вмѣстѣ съ Михайловымъ былъ барабанщикъ.

— Когда меня ранили,—разсказываетъ подполк. Михайловъ, я сказалъ барабанщику, чтобы онъ оставилъ меня и спасался бы самъ.

Сдѣлать онъ этого не захотѣлъ, и все время находился вблизи меня.

Нѣмцы прошли мимо въ десяти шагахъ, но къ счастью, не замѣтили насъ.

Когда нѣмцы ушли, барабанщикъ сбѣгалъ за санитарами, которые и перенесли меня въ госпиталь.

Русскому воинству слава,
Честь ему въ роды родовъ!
Нашимъ героямъ роднымъ,
Вѣчная память—сраженнымъ!
Многая лѣта—живымъ!

Д. Г. Булаковскій.

Цѣна 45 коп.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

НОВЫЯ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Во время войны. Что долженъ дѣлать и помнить русскій народъ. Цѣна 8 коп.

Съ нами Богъ. (Посвящено Всероссійскому доблестному воинству и народу). Цѣна 8 коп.

Великая война въ 1914, 1915, 1916, г.г. Выдающіяся событія на пути защиты Россіи въ ея цѣлости, чести и достоинствѣ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 45 коп.

Русскій солдатъ на войнѣ въ прежнее время и теперь въ Великую Войну 1914, 1915, 1916 г.г. Цѣна 45 коп.

Не падайте духомъ. (По поводу Великой Войны 1914, 1915, 1916 г.г.) Цѣна 6 коп.

Печатается: **Что Россію заставило воевать.** Цѣна 60 коп.

Какъ эти брошюры, такъ равно и всѣ другія народныя изданія **Д. Г. Булгаковскаго** противоалкогольнаго содержанія, имѣются въ продажѣ у самого автора-издателя — **Невскій просп. 136**, и въ книжномъ складѣ Высочайше утвержденнаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія. (Петроградъ, Стремянная ул., 20).